Матильда. Тайна Дома Романовых

Автор:
Наталья Павлищева

Матильда. Тайна Дома Романовых

Наталья Павловна Павлищева

Последний русский император и балерина, утвердившая славу русского балета. Страсть, которая могла изменить русскую историю. Любовь, ставшая легендой. В жизни каждого человека случаются несколько дней, которые могут изменить ее навсегда. Когда происходит самое главное. Ты оборачиваешься на голос любви. И делаешь выбор. Но если властитель империи полюбит танцовщицу, сводящую с ума своей красотой… Успенский собор, Кремль, Ходынское поле, царские дворцы, сцены Мариинского и Большого театров – там, где бьется сердце вечной России.

Наталья Павлищева

Матильда. Тайна Дома Романовых

Глава I

Петербургское небо особенное.

Даже летом оно может стать свинцово-серым, нависнуть, прижать к земле, окутать пеленой без дождя.

А может при ледяном ветре оставаться ярко-голубым без единого облачка, с пронзительной глубиной, так и зовущей взмахнуть крыльями и улететь вверх.

В тот день небо было ослепительно синим. Сирень уже отцвела, а скульптура императрицы Екатерины надежно пряталась за зеленью деревьев Катькиного садика, мимо которого спешили две девушки.

Младшая, совсем юная, вдохнула полной грудью и восторженно воскликнула:

– Хорошо-то как!

Вторая снисходительно кивнула:

– Да, сегодня тепло…

Легкая походка и прямые спины выдавали в них балерин.

Так и было, старшая из сестер Кшесинских, Юлия, год назад закончила учебу и танцевала в кордебалете Императорского Мариинского театра, а двенадцатилетняя Матильда пока скучала на занятиях в Императорском театральном училище. Семья Кшесинских вообще «балетная», их отец Феликс Иванович – знаменитый танцовщик, исполнивший все главные мужские партии в спектаклях Мариинки, когда-то танцевала их мать, танцевал и брат Иосиф, только что окончивший училище.

Именно к Иосифу в здание училища на Театральной улице спешили сестры, чтобы вместе отправиться на любимую всей семьей дачу в небольшом поместье Красницы.

Девушки опаздывали, но перед Александринским театром пришлось остановиться, пропуская кареты. Что-то задержало выезд на Невский, и один из экипажей остановился рядом с балеринами. Это длилось совсем недолго – меньше полминуты, но Матильда успела рассмотреть девочку, сидевшую в открытом экипаже.

Кшесинскую поразило серьезное выражение лица девочки. Строгие синие глаза бесстрастно изучали юную балерину. Эти глаза были взрослыми, словно юная особа знала все о несовершенстве мира и потому грустила.

Маля подумала, что девочка, наверное, совсем не умеет улыбаться.

Сидевшая рядом с синеглазкой красавица что-то сказала по-английски, девочка повернулась к ней, отвечая. В это время Юлия решила пробежать между экипажами, чтобы не ждать дольше, и потянула Матильду за собой. Сестры Кшесинские уже обогнули коляску, когда, обернувшись, Маля увидела, что грустная девочка осуждающе смотрит на них. Матильду это возмутило, и она неожиданно скорчила зазнайке обидную гримасу:

– Бэ-э…

Та презрительно поморщилась в ответ.

Коляска тронулась, но обе девочки еще раз оглянулись друг на дружку.

– Кто это?

Юлия пожала плечами так, словно сестра сморозила глупость.

– Ты что, не видишь, как они похожи?

– Кто с кем?

– Елизавета Федоровна с младшей сестрой.

Малю недовольство сестры не смутило, она продолжила расспрашивать:

– А кто такая Елизавета Федоровна?

– О господи! Вот что значит не видеть ничего, кроме своего класса и дачи. Елизавета Федоровна – невеста великого князя Сергея Александровича. Скоро свадьба. Вместе с невестой приехала и ее сестра Алиса. Они – принцессы

Гессенские.

Синеглазая девочка принцесса…

– Какая она грустная. Не знаешь, почему?

Юлия знала все обо всем:

– Во-первых, они сироты.

– Совсем-совсем?! – ахнула Маля.

– Нет, мать умерла. Я слышала, что эта Аликс живет у своей бабушки – королевы Виктории в Лондоне.

Она еще и внучка английской королевы! Потому такая зазнайка. Было бы отчего зазнаваться, Маля тоже кое-что слышала, например, что английская королева стара и скучна.

Юлия продолжила откровенничать:

– Маша говорила, что их замуж никто не возьмет, у них кровь дурная. Дети будут больные. Или совсем не будет.

Маля усомнилась:

– Но ведь Елизавета Федоровна выходит за великого князя?

Юля чуть подумала и махнула рукой:

– Наверное, ему дети не нужны.

Сестры уже дошли до здания училища, где их ждал брат Иосиф.

Весь оставшийся день Маля была непривычно тиха и задумчива, отец даже поинтересовался, не заболела ли.

– Нет, папа?. Сегодня мы видели принцессу, которую никто не возьмет замуж, у нее кровь дурная. Потому принцесса грустная.

– Что за принцесса?

– Гессенская. Сестра невесты великого князя Сергея Александровича.

– Не болтай глупостей и Юлии скажи, чтобы не болтала. Принцессы обе здоровы, а грустные потому, что одни в чужой стране.

Отцу Маля верила даже больше, чем сестре, потому перестала переживать, но забыть серьезную синеглазую принцессу-сиротку не могла долго. И правильно, что ее не возьмут замуж, уж слишком зазнается. Принцесса!.. И ничего в этом хорошего нет.

Матильда не подозревала, что судьба еще столкнет ее с грустной синеглазой Алисой Гессенской, причем так, что будут зависеть друг от друга.

И Аликс Гессенская, в будущем Александра Федоровна, тоже запомнила жгучие темные глаза грациозной девочки.

По своему положению принцесса и балерина страшно далеки друг от дружки, но был один человек, который свяжет их судьбы – Ники, цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II.

И если Матильда видела наследника престола лишь издали, то Аликс уже познакомилась с шестнадцатилетним Ники и успела влюбиться в него. А он в нее.

Юлия Кшесинская права – Гессенская принцесса приехала в Петербург на свадьбу своей сестры Эллы, в России ставшей Елизаветой Федоровной, с младшим братом императора великим князем Сергеем Александровичем. Сестры, несмотря на шесть лет разницы в возрасте, были дружны нежной дружбой, поверяли одна другой сердечные тайны и маленькие секреты и не

могли жить в разлуке.

В семье великого герцога Гессенского и Рейнского именно у четвертой дочери Алисы было прозвище «Sunny» – «Солнышко», данное их бабушкой, английской королевой Викторией. Прозвище тем удивительней, что никаким солнышком и даже его лучиком серьезная девочка, на лице которой никто не видел улыбки, не казалась. Скорее уж таковой была Элла.

Елизавету приняли в Петербурге с восторгом, она нравилась всем – улыбчивая, забавно коверкающая русские слова, но умеющая посмеяться над собой, Элла Гессенская была солнышком в непредсказуемом петербургском небе и пришлась по душе императору и императрице, в отличие от своей младшей сестры.

Но младшая Гессенская принцесса мало волновала венценосную семью и двор, в свои двенадцать лет она не была ни для кого интересной партией. Это невеста «из последних», когда уже нет никаких других – даром что внучка английской королевы, но за Аликс не стояло ничего, бедная родственница, не больше. Гессенское герцогство никогда не было богатым и мало что значило, с одной принцессой уже породнились, этого достаточно. А что у младшей глаза синие… так мало ли на свете красивых глаз?

Ко всему примешивались неприятные слухи, о которых сплетничала подруга Юлии Кшесинской: принцессы Гессенского рода – носительницы страшной болезни гемофилии. Далеко не все понимали, что это такое, но поговаривали, что дети, рожденные такими женщинами, умирают либо в младенчестве, либо чуть позже, ведь любое кровотечение у них очень трудно остановить. Малейшая царапина может оказаться смертельной, не говоря уж о ране. Так умер брат Аликс и Эллы – выпал из окна и там, где другой ребенок отделался бы синяком, скончался в страшных мучениях.

Однако Сергея Александровича это не смутило?

И здесь Юлия Кшесинская была права – великому князю не нужны дети и женщины, которые детей могли родить, он предпочитал мужчин. С Эллой-Елизаветой у Сергея Александровича сложились прекрасные… дружеские отношения, не более того, ни больных, ни здоровых детей у пары не было.

Младшая сестра с первой минуты пребывания в Петербурге не спускала глаз с цесаревича Николая. Аликс влюбилась сразу и бесповоротно… И это страшно не понравилось императрице, Марии Федоровне была неприятна девочка, красивые черты лица которой никогда не освещала улыбка. Но переживать из-за возможности увидеть этакую буку, которую Мария Федоровна сразу обозвала «этой немкой» и «гессенской мухой» и никак иначе после не называла, своей невесткой не стоило, наследник слишком молод, чтобы задумываться о браке.

Девочка казалась настойчивой и добилась внимания цесаревича, не просто внимания, но признания в сердечной привязанности.

И все равно мать только посмеялась, юношеская влюбленность ничем не грозит.

Мария Федоровна недооценила Аликс Гессенскую, серьезная синеглазая принцесса твердо решила, что цесаревич Николай будет принадлежать только ей, и настойчиво писала юноше, получая в ответ письма, полные любви. Аликс умела внушать свою волю, особенно мягкому и впечатлительному Ники.

Но идея сделать Аликс женой наследника пришлась по душе Елизавете Федоровне, она постоянно напоминала Николаю о сестре, дарила фотографии Аликс, передавала приветы и какие-то памятные записочки, поддерживая уверенность, что они с Аликс влюблены друг в друга независимо от неудовольствия родителей.

Матери у Аликс не было, умерла давно, а отец против замужества младшей из дочерей с российским цесаревичем отнюдь не возражал, но Елизавета убеждала Николая, что Аликс героически противостоит недовольству родни, что на все готова ради любви к своему Ники. Отчасти это было правдой – брака любимой внучки с наследником российского престола не желала ее «главная» родственница – королева Виктория, но тогда, в 1884 году, до такого противостояния было еще далеко.

Мария Федоровна поняла, насколько сильна атака на старшего сына со стороны сестер Гессенских, только когда Елизавета открыто заговорила о возможности брака Николая и Аликс. В ответ прозвучало резкое: «Нет!» – императрица и император были единодушны и тверды в своем отказе. И дело не в том, что юная принцесса не умела улыбаться, о том, что она возможная носительница гена гемофилии, знали не одни болтливые кумушки.

– Саша, поговори с Ники. Мне кажется, он не представляет опасности.

Император вздохнул, ему вовсе не хотелось беседовать со старшим сыном на такую тему, но Минни права, придется.

Никто не знал, каким был этот разговор, объяснил ли Александр Александрович сыну, что подвергать опасности будущее империи, выбирая себе в жены носительницу страшного гена, тот не имеет права, просто ли сказал о своем несогласии с подобным браком, но Николай остался при своем:

– Я люблю Аликс, и больше никого.

Александр Александрович успокоил супругу:

– Ничего, повзрослеет, забудет эту немку. А пока мы подыщем ему другие увлечения. Повзрослел, пора не только портрет немки разглядывать.

Мария Федоровна беззаботности супруга не разделяла, но согласилась подождать, надеясь, что юношеское увлечение старшего сына все же пройдет.

В небольшом имении Красницы, что в шестидесяти верстах от Петербурга по Варшавской дороге, у Кшесинских готовился праздник – день рождения отцовской любимицы Мали. Младшей из девяти детей Кшесинских с днем рождения повезло – он 19 августа, в лучшее летнее время. Феликс Иванович обычно устраивал пир на весь мир с приглашением не только гостей из Санкт-Петербурга, но и дачников, и крестьян из соседних деревень. Вечером обязательный фейерверк, на который Кшесинский был большой мастер, обильнейший ужин, опять же в исполнении самого Феликса Ивановича, множество сюрпризов и розыгрышей.

Праздник ждали все вокруг.

Поздравив дочь с самого утра, Феликс Иванович, однако, не забыл напомнить:

– Маля, даже день рождения не отменяет урока.

Двенадцатилетняя Матильда поморщилась:

– Но папа?… мне скучно. Сколько можно выполнять одни и те же движения?

Взгляд обожавшего дочь Кшесинского стал твердым.

– Столько, сколько нужно. Пока ты занимаешься балетом, ты будешь ежедневно их выполнять.

– Зачем, чтобы потом, как Юля, стоять в кордебалете?

– Если не станешь выполнять урок, то и в кордебалет не попадешь.

Услышавшая обидные слова младшей сестры, Юлия фыркнула:

– Она мечтает стать примой-ассолютой.

– А иначе зачем идти на сцену? – парировала сестренка. – Но я не буду танцевать, я выйду замуж за принца и буду наслаждаться жизнью.

– Маля?! – буквально взвыл Кшесинский. – Разве этому я тебя учил? А ну марш выполнять урок! Сегодня в два раза больше, чем обычно.

– Но папа?, у меня день рождения, – возмутилась теперь уже Матильда, но разгневанный отец остался неумолим:

– Не сделаешь – никакого фейерверка вечером.

Глядя вслед понуро бредущей наверх в комнату, где закреплена репетиционная палка, Мале, Юлия успокоила отца:

– Это пройдет. Просто она еще маленькая.

– Я знаю, – вздохнул Феликс Иванович. – Но Мале скучно в училище, как бы ее заинтересовать балетом по-настоящему?

– Стоит ли, папа?? Она не самая стройная, и выворот у нее обычный, и подъем тоже.

Отец понимал, что старшая дочь просто ревнует его к младшей, и попытался объяснить:

– Юля, выворот можно разработать, подъем у Мали хорош, тут ты не права. Но у нее есть самое ценное – чувство музыки и ритма, и еще упрямство, без которого, сама знаешь, в нашем деле никуда.

Феликс Кшесинский знал, о чем говорил, он уже много лет был ведущим танцовщиком Императорского театра, лучшим исполнителем мазурки, ради которого даже великий Мариус Петипа ставил балетные вариации. А уж сколько ролей!..

Дети Феликса Ивановича стали танцовщиками, вернее, Юлия окончила училище на Театральной улице год назад, Иосиф только что, а младшая строптивая Матильда пока училась. Девочке и впрямь скучно в классе, она все давно освоила дома вместе со старшими сестрой и братом. А если Мале скучно…

И все-таки что-то подсказывало Кшесинскому, что младшая дочь непременно станет великой балериной.

Глава II

В Севастополе сначала в порту, а затем на железнодорожном вокзале переполох – императорская семья в полном составе возвращалась с Кавказа. В городе надежно спрятаны все, кому попадаться на глаза Александру III нельзя, превентивно посажены под арест местные бунтари и пьяницы, перебиты даже бродячие кошки и собаки. По набережным прогуливались исключительно офицеры в белых парадных кителях под ручку с дамами в элегантных платьях, для чего пришлось задействовать актрис и весь гардероб местного театра. Город готов к пребыванию, пусть и краткосрочному, императорской семьи.

Император с цесаревичем побывали на нескольких кораблях Черноморского флота, пообедали с турецким послом, посетили Морское собрание и, наконец, отправились на вокзал, чтобы присоединиться к императрице и остальным членам семьи и покинуть гостеприимный Севастополь. Хотелось домой…

Как в гостях ни хорошо, а дома лучше. Все соскучились по родным стенам, по своей Гатчине, по Аничкову дворцу, даже по осенней питерской непогоде. Впечатлений было море, делиться ими в письмах устали, скорей бы вернуться в Петербург и все рассказать и показать.

Когда локомотивы императорского поезда дружно дали гудок, объявляя об отправлении, местное начальство вздохнуло с облегчением – Его Величество замечаний не высказал.

В Севастополе еще стояла летняя погода, было тепло и сухо, но все равно торопились, радуясь, что скоро будут дома. И вот последний взгляд на море, уходящий назад перрон, потом тоннель, где великая княжна Ксения притворно ойкала и пугала младшую сестру Ольгу, мол, можем и не выехать на свет из темноты, и ощущение дальней дороги. Но домой она всегда короче. Колеса выстукивали: «Едем-едем-едем…»

Уже с утра на следующий день все почувствовали, что в России осень – погода резко изменилась, пошел дождь, к которому то и дело примешивалась снежная крошка. Оставалось радоваться, что они внутри вагона, где тепло и светло, и было жалко солдат, стоявших вдоль всего полотна на постах.

Два больших локомотива от товарных поездов тянули императорский состав резво, но Александру Александровичу все равно казалось, что едут медленно. Он требовал поторопиться.

– Домой, домой!

– Саша, у тебя же вся Россия дом, – улыбнулась Мария Федоровна, которая тоже радовалась возвращению.

Император погладил любимую лайку.

– Так-то оно так, да ведь надоело по большому дому мотаться, в свой маленький хочется, правда, Камчатка? – Пес в ответ сладко зевнул. – Минни, скоро ли завтрак?

Императрица подтвердила:

– Скоро, сегодня чуть пораньше, чтобы к Харькову успеть переодеться.

– И то славно. Пойдем, Камчатка, немного в кабинете поработаем.

Императрица с понимающей улыбкой посмотрела им вслед, погладила своего шпица:

– Тип, знаем мы их работу… Ты пойдешь завтракать? – Глядя, как песик зарывается в подушки, рассмеялась: – Ладно, лентяй, оставайся досыпать.

Александр Александрович не собирался заниматься бумагами, но что можно считать работой для Хозяина Земли Русской, как позже назвал себя его сын-преемник? Наверное, все, в том числе и… разглядывание фотографий.

Занимался император этим не один, за столом сидел цесаревич Николай, увлеченно работающий карандашом.

– Ники, смотри, какие красотки. А? Одна другой лучше.

Император протянул цесаревичу очередную пачку снимков балерин. Поставлял эти фотографии великий князь Владимир Александрович, большой любитель театра, вернее, артисток балета. Они действительно изящней других, умней и как-то… лучше воспитаны, что ли.

Зная об интересе великого князя, директор балетной труппы Иван Карлович частенько устраивал фотографирование своих «розанчиков» и отправлял снимки Владимиру Александровичу. Внимание членов императорской семьи еще никому не вредило, а вот помогало труппе нередко.

– Ты что это делаешь? – наконец заметил занятие старшего сына император.

Николай старательно пририсовывал под очаровательными носиками тараканьи усы, а на подбородки портретов прилаживал бороды. Впрочем, не у всех они были одинаковы, цесаревич проявлял фантазию, то топорща усы, то завивая их колечками, то вытягивая в стороны прямыми стрелами до самого края фотографии. И бороды были разного фасона – какая какой идет.

Александр Александрович постарался сдержать улыбку, его насмешила фантазия сына, но внимание привлекла следующая фотография.

– Какая красивая! Ники, посмотри. – Император перевернул снимок, прочитав фамилию на обороте: – Кшесинская. Хм… почему на сцене не видел? Надо спросить Всеволожского. Новенькая, что ли?

– Или но-ги ко-ле-сом, – с расстановкой произнес Николай, продолжая уродовать изображение очередной красавицы.

Александр Александрович положил снимок Кшесинской перед сыном:

– Вот! И взгляд лукавый. Не то что у твоей немки.

Николай, не глядя, отодвинул снимок на край стола. Чтобы избежать дальнейшего разговора, суть которого он предвидел, цесаревич поднялся из-за стола, но твердая рука императора вернула его на место.

Впрочем, у императора вообще тяжелая рука.

– Ники, за последние сто лет только один царь не жил с балериной. Знаешь, кто? – Он шутливо ткнул пальцем в грудь: – Это я. Не повторяй моих ошибок.

Такая фраза означала, что настроение у Александра Александровича прекрасное. Называть ошибкой верность своей обожаемой Минни – Марии Федоровне – он мог лишь в шутку. Если императора и интересовали балерины, то исключительно для его сына Ники, Александр Александрович даже в театр ходить не любил, как вообще не любил светские мероприятия, но терпел их ради все той же обожаемой «душки Минни». Лучшую супружескую пару, более крепкую и любящую, не найти не только в России, но и в мире.

Николай упрямо возразил вполголоса:

– Я люблю Аликс.

Император нахмурился, его раздражало упрямство сына, когда дело касалось Гессенской принцессы. Вбил себе в голову, что влюблен! Эта вечно серьезная и глядящая с укором немка категорически не нравилась жизнелюбивым родителям Ники, но цесаревич и слышать не желал ни о ком другом.

– Может, ты и жениться на ней хочешь? Зачем, Ники, чтобы крутить эти спиритические тарелки, скучать, страдать и самому разучиться улыбаться?

Николай продемонстрировал, что уже кое-чему научился у своей так называемой невесты, которая невестой, к счастью родителей, пока не была:

– Как наследник, я всегда должен быть готов…

Разговор становился тягостным, хотелось сказать, что наследник должен быть готов править страной, но император перевел все в шутку, он вскочил и стал наступать на щуплого сына своей массивной фигурой:

– К чему готов? Ты хоронить меня собрался? Не рановато ли?

Но Николай шутку не поддержал.

Александр Александрович со вздохом бросил остальные карточки на стол:

– Эту хоть запомни: Кшесинская.

Глядя на широкую спину отца в двери кабинета, Николай упрямо произнес:

– Я люблю Аликс.

Император вздохнул себе под нос:

– Ну и дурак.

В столовой почти все уже собрались, ждали лишь императрицу.

Император с цесаревичем стояли, глядя, как за окном пробегают перелески с темными фигурами в шинелях по сторонам дороги.

– Вот, смотри, какая Россия огромная, едем-едем, а конца пути не видно. Не то что у твоей Аликс – все владения перепрыгнуть можно, хорошенько разбежавшись.

Николай разговор не поддержал. Он упрямо не желал обсуждать крошечные размеры Гессенских земель.

– Впрочем, как и у твоей матери… – Александр вздохнул и вдруг рассмеялся, вспомнив, что-то забавное. – Хочешь, расскажу, как Минни русскому языку училась? Читала уже прилично, только все путала русские и латинские буквы, «р» произносила как «п». Вышли мы в Финский залив, навстречу две баржи «Рюрик» и «Ижора». Минни громко читает первое название: Пюпик. Пришлось схватить ее за руку, чтобы второе так же не прочла.

Николай уже слышал это семейное предание – мать утверждала, что Александр, тогда еще цесаревич, поспешил громко прочесть второе название вместе с ней: «Ижора», раскатисто произнеся это «р-р-р»… Так в один момент и переучилась.

Наконец, собрались все, пришли великие княжны Ксения и Ольга, даже верный пес Камчатка уселся подле стула хозяина. Шпиц императрицы остался в спальном вагоне, находиться на руках у хозяйки за столом не позволяли, а мельтешить под ногами на этом дрожащем полу маленькой собачке не очень приятно.

Александр Александрович постарался незаметно сунуть брату стопку фотографий, испорченных Ники.

– Благодарю, не помогло.

Мария Федоровна покосилась на снимки, ей не нравилась идея супруга знакомить цесаревича с балеринами по фото. Вернее, идея принадлежала

великому князю Владимиру, но ведь «душка» поддержал. Все это попахивало борделем.

– Что это?

Князь Владимир несколько стушевался, поспешно пряча фотографии в карман:

– Э-э… секретные материалы, Ваше Величество. Фотосъемка немецких дирижаблей.

Он произнес «дирижаблей» с французским прононсом.

Александр постарался придать лицу исключительно серьезное, даже озабоченное выражение:

– И породистые русские кобылы.

Но Марию Федоровну это не обмануло.

– Саша, твой брат опять показывал балерин? Ники, я не знала, что ты увлекся балетом!

Княжны хихикнули, фыркнул и младший брат Николая Михаил, Георгий, считавший себя взрослым, постарался спрятать улыбку. Бедного Ники то и дело терзали разными намеками по поводу женского пола, словно у цесаревича других интересов не имелось.

Сам Николай сокрушенно вздохнул:

– Я или женюсь, или сбегу от вас в монастырь!

Образ брата в монашеском одеянии окончательно развеселил княжон, и те рассмеялись громко.

Проходя к большому столу, Александр Александрович, словно извиняясь, шепотом объяснил жене:

– Все по своей немке сохнет. Скучная она…

Императрица вздохнула:

– Мне тоже не нравится эта гессенская муха.

– Значит, никаких разговоров о женитьбе. Может, забудет?

– Среди балерин? – скептически усмехнулась императрица.

– Поживем – увидим… Власов, остановка скоро?

– Почти через час, Ваше Величество, – отозвался полковник.

– А поскорей нельзя? Надоело в вагоне. Пройтись хочется. Поторопи, голубчик, своих кочегаров, не спят они?

Власов немедленно исчез, видно, приказывать поддать жару. Впрочем, вернулся он быстро – не его дело самому к паровозам идти, отправил адъютанта.

Мария Федоровна поморщилась, вагоны и без того раскачивались, временами становилось не по себе.

– Саша, зачем добавлять ходу, разве мы не быстро едем?

– Пройтись хочу. А то на отдыхе да вот тут за столом никогда не похудеешь.

– В Харькове и разомнешь ноги.

– Мы опаздываем.

Дольше обсуждать вопрос отставания от графика и скорости движения не стали, разговор сосредоточился на завтраке и предстоящих в Петербурге делах.

Когда подали любимую императором гурьевскую кашу, за отдельным столом, где сидели младшие, снова послышался смех – княжна Ольга представила брата в схиме и развеселилась.

– Тише, вы, сороки! Наследник хандрит, а вы смеетесь. Гуляй, Ники, гуляй, пока я жив! Потом будешь серьезным. – Наблюдая, как лакей наливает сливки в кашу, поинтересовался: – Одобряешь, Васильич?

Тот серьезно кивнул:

– Очень даже одобряю.

Впрочем, Васильичу было не до веселья, вагон сильно дернуло, он едва не расплескал сливки на императора.

В следующий момент несчастному было уже вообще ни до чего.

Последовал страшный удар, грохот, треск, и… пол не просто ушел из-под ног, стальная плита оказалась на путях вместе со всеми, кто находился в вагоне, а сверху на них рухнула крыша! Несущая балка вагона попала точно на Васильича, другой конец ее удержался, и основная масса крыши застыла в нескольких сантиметрах над головами сброшенных со стульев пассажиров.

Грохот, скрежет, треск, железо наезжало на железо, крошило деревянные части вагонов, сминало металлические, давя при этом и тех, кто оказался внутри.

Первой мыслью у всех было: теракт, взрыв бомбы.

– Саша! Дети! – Мария Федоровна кричала, но ее голос потонул во множестве страшных звуков.

– Мама?! – отозвалась Ксения. – Вы живы?

Мария Федоровна пыталась в царившем ужасе разглядеть детей:

– Отзовитесь все.

– Я здесь, – выбрался из-под обломков Георгий, – Миша тоже здесь.

– Я жива, – откликнулась Ксения.

– Я тоже… – подал голос Николай.

– Саша? – беспокойно позвала императрица. – Саша?! САША?!!!

– Минни, я жив. Васильича убило.

Живыми среди этого кошмара оказались все члены царской семьи. Но державшие край крыши опоры трещали и проседали, крыша начала опускаться.

Оказаться раздавленными после того, как они выжили при ударе, ужасно. Александр Александрович приказал:

– Надо выбираться! Я подержу. Ники, забирай Олю и остальных!

– Папа?, я с вами!

– Нет, хотя бы один из нас должен выжить. Вытаскивай всех, пока я держу. Уводи всех, я сказал!

По голосу чувствовалось, как ему тяжело.

Ники принялся выталкивать в небольшой лаз, образованный полурухнувшей крышей и вагонной осью, младшую княжну:

– Оля, поторопись.

– Ники, мне страшно!

– Лезь, я сказал!

Он буквально вышвырнул сестренку наружу, та покатилась по откосу.

– Только бы не попала под колеса…

Существенное беспокойство, самые разные детали, в том числе колеса вагонов, катились по насыпи.

– Ники, быстрее!

Мария Федоровна вылезла вместе с Ксенией и тоже покатилась по склону. Вытолкнув младших братьев, Николай последовал за ними.

– Господи, спаси и сохрани! – Александр Александрович чувствовал, что уже дольше не сможет удерживать проклятую крышу.

Но сознание, что семья успела выбраться, успокаивало.

Николай оглядел мать и сестер с братьями, бросился обратно наверх:

– Надо помочь папа?!

Сверху звал великий князь Владимир:

– Ники, на помощь!

Туда же сбегались уцелевшие слуги.

– Государь-император?!

– Там! – ткнул князь Владимир пальцем в разрушенный вагон.

В это мгновение крыша окончательно обвалилась, придавив собой Александра Александровича.

– Саша!!! – раздался снизу крик Марии Федоровны.

– Поднимай! – скомандовал князь Владимир. – Давай! Еще! Выше!

Он протиснулся в образовавшуюся щель и отозвался оттуда:

– Живой, только нога застряла. Поднимите выше. И доктора сюда!

Николай со слугами и подоспевшими солдатами наконец сумели приподнять крышу настолько, чтобы удалось освободить ногу Александра Александровича и вытащить его из разрушенного вагона.

Врача не было, в этом месте не было никого. А вокруг ужас – сошедшие с рельсов, разрушенные вагоны, покореженный металл, сброшенные вагонные тележки и крики, стоны, призывы о помощи. Настоящий ад!

Мария Федоровна прижала к себе дочерей, боясь даже подумать, какие известия получит сверху.

Наконец Николай сообразил крикнуть матери, что император жив и даже не очень пострадал.

Тогда Мария Федоровна сообразила поинтересоваться травмами у детей. Это невероятно, но они отделались ссадинами и синяками. Оля, скатившись по насыпи, не пострадала вообще, у остальных поцарапаны лица и порезаны осколками руки, у самой императрицы страшно болела левая рука, но двигать можно, значит, не сломана.

– Ничего, остальное заживет. Главное – живы и целы, – успокоила она себя и детей.

Увидев няню маленькой княжны Ольги, подозвала ее к себе:

– Целы? Присмотрите за детьми.

Больше дети ее не видели, императрица бросилась заботиться о пострадавших.

Александр Александрович видимых повреждений не получил, не считая тех же царапин и порезов.

Все в крови, но целы – что могло быть чудесней!

– Ники, как ты? – запыхавшись от подъема, поинтересовалась императрица.

– Я хорошо. Папа?, кажется, цел, только ногу придавил сильно. Ты в крови.

– Ты тоже. Нет, я не ранена, только порезы. Посмотри, – Мария Федоровна кивнула на предыдущий вагон. Если вагон-ресторан был разрушен, пол его провалился на насыпь, а крыша рухнула вниз, то вагон перед ним просто не существовал! Среди груды вагонных тележек, покореженного металла торчал лишь обломок деревянной стены. Стало понятно, что уцелеть в нем едва ли возможно вообще.

В пух и прах разлетелся вагон министра путей сообщения Посьета, шедший следом за локомотивами и электрическим вагоном. Сам министр завтракал, а потому уцелел, хотя и поранился. Находившиеся в его вагоне управляющий дорогой и инспектора вообще отделались испугом, оказались выброшены из разрушенного вагона на насыпь.

Больше всего досталось прислуге, ехавшей следом за вагоном Посьета, их просто расплющило напиравшими сзади частями состава. Именно там оказалось больше всего погибших.

К императорскому вагону спешили уцелевшие:

– Как государь, он спасен?

Узнав, что выжил, крестились окровавленными руками, забывая о собственных бедах:

– Слава богу, все в порядке!

Сам Александр Александрович, едва выбравшись из-под обломков, принялся командовать. Было ясно, что такому количеству раненых помочь своими силами невозможно, нужно подкрепление. Кроме того, не было простых перевязочных средств. Ошарашенные свидетели катастрофы, солдаты Пензенского пехотного полка, стоявшие вдоль всей насыпи, были слишком немногочисленны, чтобы справиться с ситуацией.

– Стреляйте в воздух!

– Что? – не понял приказания императора ближайший солдат.

– В воздух стреляйте, чтобы сбежались остальные. Помощь нужна как можно скорее.

Пальба по цепочке действительно привлекла внимание, вскоре прибежал и полковой врач, у которого нашлись перевязочные материалы. Но всего этого было недостаточно, а помощь требовалась срочно.

Убедившись, что вся семья уцелела и никто серьезно не ранен, Мария Федоровна бросилась помогать доктору. Она подозвала кого-то из слуг:

– Велите принести мой багаж, там есть что рвать для перевязки.

К супруге подошел Александр Александрович:

– Минни, из Харькова уже выслали вспомогательный поезд. Как ты?

Мария Федоровна обернулась к мужу, в глазах стояли слезы:

– Саша, Господь сохранил нас всех! Но сколько же погибших и раненых!

– Знаю, – мрачно отозвался император.

Он забыл обо всем, обходил раненых, помогал, где это было возможно, вытаскивать пострадавших и погибших из-под завалов, распоряжался, приказывал… И вдруг вспомнил:

– А где Власов? Он же не успел вернуться в столовую.

Кто-то из адъютантов кивнул вперед:

– Живой. Туда ушел. Выяснять причину.

Власов, хотя и был ранен – его лицо заливала кровь, а волосы мгновенно слиплись от вязкой массы, – действительно отправился к локомотивам, выяснять, что произошло.

Увиденная картина была ужасна.

За пару месяцев до того управляющий Общества Юго-Западных железных дорог Сергей Витте высказывал опасения и по поводу товарных локомотивов во главе императорского поезда, и о вагоне министра путей сообщения Посьета, который явно заваливался на левую сторону из-за неправильного распределения нагрузки внутри. Витте даже вступил в конфликт с министром, свидетелем которого оказался император.

О чем предупреждал этот чиновник?

Глядя на сошедший с рельсов передний локомотив и изогнутую дугой рельсу под ним, Власов вздохнул: да вот о чем предупреждал, то и случилось!

Императорский поезд тяжел, ведь почти под каждым полом свинцовая плита – против возможной подложенной бомбы. Кроме того, изразцовые печи, множество разных приспособлений, запасные колеса, детали для самих вагонов и прочее. Это не пассажирский состав, он по тяжести превосходил многие товарные. Потому тянуть обычным локомотивом нельзя – не справится. Впереди ставили два мощных товарных.

Была идея поставить вообще один впереди, второй сзади, чтобы толкал, но, слава богу, от нее отказались, не то сейчас в крошево были бы превращены все вагоны.

Витте предупреждал, что тяжелые товарные локомотивы нельзя пускать по российским дорогам быстро, песчаная отсыпка под шпалами не выдержит. Длина дорог не позволяла все засыпать щебенкой, как делали в Европе, приходилось просто ограничивать скорость.

Но император терпеть не мог медленного движения, и ехать со скоростью двадцать верст в час ему казалось оскорбительным:

– Да я пешком быстрее поспею!

На своем участке Витте добился медленного движения даже для императорского поезда, но то Витте… Другие настаивать на своем не решались. Перед Харьковом поезд делал больше шестидесяти верст в час.

К чему это могло привести? Тяжелые локомотивы на быстром ходу начинали раскачиваться и в слабых местах просто выбивали рельсы из-под своих колес!

К тому же следом за локомотивами и электрическим вагоном стоял тот самый заваливающийся влево вагон Посьета. Он и сошел с рельсов следом за локомотивами.

К Власову устремился кто-то из охраны:

– Господин полковник, мужик пьяный с телегой на путях, потому тормозили!

Неподалеку от паровоза и впрямь поперек рельс валялись рассыпанные бревна и лежала лошадь с переломанными ногами. А на насыпи сидел совершенно пьяный мужик и… распевал тягучую песню со всхлипами.

Власов рывком поднял его с земли. Увидев перед собой залитое кровью от раны, перекошенное лицо полковника, мужик прервал песню и зачастил:

– Ваш Бродь… лошадь встала, зараза! Правда встала. Видать, испужалась ентого… – он кивнул на накренившийся паровоз. – Я сам чуть ушел.

Власов отпустил мужика, но, прежде чем тот успел рухнуть на пути, врезал ему в лицо со всей силы.

– Увести! Кто?!

Окружающие не поняли, дружно кивнув в сторону оправдывающегося мужика:

– Он.

– Кто в этом месте на посту стоял?!

Вперед выступил съежившийся маленький солдатик в шинели не по росту:

– Я, Ваш Бродь…

– Ты куда смотрел? А!.. – махнул рукой на недоумка Власов. – Арестовать!

– А с лошадью чево? Ейные ноги переломаны. Жалко кобылу, крепкая ишшо.

Власов даже оборачиваться в сторону солдата не стал. О кобыле рассуждает, когда императорский поезд перевернулся. Он уже знал, что императорская семья жива, но поезд-то всмятку, значит, есть погибшие. О собственной ране, кровь из которой продолжала заливать лицо, полковник не вспоминал.

Выстрел в голову ржавшей кобыле избавил животное от мучений.

Убирая пистолет в кобуру, Власов поспешил обратно к покореженным, перевернутым вагонам, где император и императрица обходили раненых, помогая, чем могли.

Подбежал кто-то из подчиненных:

– Из Харькова вышел дополнительный поезд.

Власов только кивнул…

Погибших оказалось много – сначала было девятнадцать, потом еще двое померли. Пострадали почти все, но у кого-то раны серьезные, а кто-то лишь поцарапан и помят.

Только когда все были вытащены из-под обломков и размещены в подошедшем из Харькова поезде, император обратил внимание на сильную боль в бедре, а Мария Федоровна наконец заметила, что левой рукой трудно двигать. На следующий день нога императора от бедра до колена совершенно почернела, как и рука императрицы от плеча до локтя. Александр Александрович еще долго ходил, прихрамывая, а Мария Федоровна носила руку на перевязи. Но уже то, что вся семья осталась жива, иначе как Божьей милостью не объяснить.

– Минни, Камчатка погиб, стеной придавило.

Мария Федоровна сжала запястье мужа:

– Саша…

Все знали, как любил своего преданного пса император. Дальневосточную лайку со странным именем Камчатка ему подарили моряки, объяснив, что щенка так назвали, потому как побывал на Камчатке. Щенок вырос в здоровенного пса, всеобщего любимца, бесконечно преданного своему хозяину. Александр Александрович, смеясь, говорил, что на него покушаться не должны, мол, как только увидят Камчатку, так поймут, что напрасно.

И вот теперь Камчатки с ними не будет…

– А Тип?

Мария Федоровна вдруг вспомнила, что не знает, где ее собака. Разговор родителей услышала младшая дочь Ольга, отозвалась:

– Мамочка, Тип у Варвары, он такой маленький, что где-то спрятался.

– А Камчатка принял мой удар на себя, – вздохнул император. Конечно, это было не так, но никто не возразил.

Погибшую собаку привезли в Петербург и похоронили под окнами императорского кабинета.

Наконец всех разместили, устроили, всем, кому еще было можно, помогли.

Александр Александрович и Мария Федоровна стояли на насыпи, оглядывая место катастрофы.

– Саша, Господь спас нашу семью.

– Да, Минни. Здесь непременно часовню поставим, чтобы все помнили. И панихиду по погибшим.

Они, помогая друг дружке, заковыляли к своему вагону во вспомогательном поезде, откуда за родителями с тревогой следил цесаревич Николай.

Император вдруг усмехнулся:

– А ведь этот Витте был прав! Во всем прав. Предупреждал же, чтобы ехали медленней и что вагон Посьета дурен из-за всяких добавок. Мы Витте ругали и называли перестраховщиком, а лучше перестраховаться, чем вот так… – император кивнул на развороченные вагоны и пути.

– О чем ты, Саша? – удивилась Мария Федоровна.

– Минни, этот чиновник еще два месяца назад мне твердил, что поезд тяжел для такой колеи, что нельзя ехать быстро.

– Это тот, который на каждой станции велел осматривать вагоны?

– Правильно поступал. Он говорил, что вагон Посьета если и можно ставить, то последним, перекошен больно, завален на левую сторону. Что если свалится, то хоть весь поезд под откос не пустит. Я сам Витте занудой назвал. Вот… – император тяжело вздохнул, – люди погибли…

Знаком подозвал Власова:

– Распорядитесь, чтобы во главе комиссии по расследованию Витте поставили. Толковый малый, жаль, что вовремя не послушали.

С участия в комиссии по расследованию крушения началась головокружительная карьера Сергея Юльевича Витте.

Комиссия подтвердила все его опасения – тяжелый поезд тащили два товарных паровоза, одному было бы не справиться. Но товарные поезда не движутся так быстро, как пассажирские, а император и вовсе торопился – поезд шел со скоростью 64 версты в час вместо положенных для такой тяжести 110 верст. Товарные паровозы на большой скорости заметно раскачиваются, малейший сбой мог привести (и привел!) к выбиванию рельсы и аварии. Конечно, виноваты и подгнившая шпала, и застрявшая на рельсах телега, из-за которой вынуждены тормозить, но основной причиной была скорость движения, более чем втрое превышавшая безопасную.

Кроме того, вагон министра путей сообщения адмирала Посьета, хотя и был несколько облегчен по сравнению с прежним весом, все равно заваливался на бок, а его поставили вторым!

Молва, правда, утверждала, что вагон-столовую, в которой в момент взрыва находилась императорская семья, разнесло взрывом от принесенной слугой бомбы, но это не так. Вагон не взорвался, его массивное свинцовое днище просто сорвалось с вагонных тележек, как и у нескольких других вагонов.

Только чудо спасло императорскую семью от гибели.

На перегоне поставлена большая часовня, к которой императорская семья старалась приезжать в годовщину своего чудесного спасения.

Погибшие похоронены с почестями, раненым оказана помощь. Несмотря на траур, народ ликовал – государя-императора спасло чудо, не иначе! И чем больше рассказывали о катастрофе, тем явственней звучало: «Божья воля!

Хранит Господь нашего царя-батюшку!»

Императорскую семью, которая в Санкт-Петербурге отправилась прямо в Казанский собор на торжественный молебен, встречала такая толпа, что пробиться сквозь нее оказалось трудно. Народ был готов на руках нести карету с чудесно спасенным государем.

– Ваше Величество, вынуждены каникулы объявить, все одно – студенты и школяры не учатся, то и дело кричат «Славу!».

Александр Александрович махнул рукой:

– Пусть отдохнут три дня, большого убытка учебе не случится.

Немного погодя не замеченные сразу травмы дали о себе знать.

Императрица и впрямь носила руку на перевязи и ежедневно делала массаж. А вот у императора все оказалось серьезней. Какой же силы оказался удар чертовой крышей, если серебряный портсигар в заднем кармане сплющился! Кость выдержала, но удар по почкам дал о себе знать, позже развилась почечная недостаточность, со временем сведшая крепкого Александра Александровича в могилу.

Глава III

В салоне фотографа Императорских театров суета – балерин привезли запечатлевать их прелестные образы.

Все понимали, кто именно заказал съемку – большой интерес к балету, а особенно к его исполнительницам, проявлял великий князь Владимир Александрович, брат императора.

Он и сидел за стеклянной перегородкой, наблюдая, как девушки одна за другой выходят и останавливаются, позируя фотографу. То и дело слышалось:

– Атенсьон… поспешайте…

Фотограф числился французом, «атенсьон» произносил, как полагалось, с сильным прононсом, но «поспешайте» выдавало происхождение с головой.

Он выстраивал, усаживал, бесконечно менял местами балерин в групповых снимках, заставляя их то принимать нелепые позы, то цепляться за плохо закрепленные гирлянды искусственных цветов с риском потерять равновесие, то надолго замирать в экарте без всякой опоры…

– Еще потребуйте застыть в прыжке!

– Если понадобится, мадемуазель Ильина, застынете, – фотограф знал себе цену, а также знал то, что Ольга Ильина не в числе тех, кто завтра станет корифейкой Императорских театров. Вот Кшесинской, Скорсюк или Рыхляковой он делать такие замечания не рискнул бы.

Особенно Кшесинской, эту лучше не задевать, самоуверенная девчонка. Она даже на съемку пришла в костюме, в котором выступала. Пришлось спешно обрывать бутафорские перья.

Когда перешли к индивидуальной съемке, стало еще мучительней. Собранные вместе и расставленные по местам опытной рукой балерины являли лучшие свои стороны и скрывали недостатки – слишком короткую шею или не очень изящную талию можно задрапировать цветами, короткие ноги заслонит стоящая впереди балерина, а от некрасивого лица отвлекут другие, более симпатичные.

Поодиночке под ярким светом фотосъемки все недостатки проявлялись слишком явно. Обычно фотограф ретушировал снимки, облагораживал их, что-то добавляя, а что-то убирая. Ведь в жизни и некрасивое личико может оказаться весьма привлекательным, а девушка так обаятельна, с такой изюминкой, что короткую шею просто не заметишь…

Но за стеклянной перегородкой сидел князь, который видел балерин без ретуши.

Иван Карлович терпеть не мог такие визиты, они выводили из себя всех, но именно ему приходилось улыбаться и расшаркиваться и перед князем, и перед балеринами. Кшесинская вон возмутилась:

– Мы что, публичный дом, чтобы так сниматься?!

Иван Карлович сравнению даже обрадовался:

– Мы лучше, Матильда Феликсовна, лу-учше-е… Никакой публичный дом не получает такие субсидии и подарки.

Но сегодня великий князь Владимир Александрович был не в духе, ему решительно не нравился никто! О Марии Скорсюк он сказал, что долговязая, Варвару Рыхлякову назвал неуклюжей, Машу Степанову – страшненькой… Ну, просто под нож весь выпуск.

Иван Карлович даже думать боялся о той минуте, когда фотографировать начнут строптивую Кшесинскую.

Положение спасло появление не выпускницы, но примы Императорских театров Пьерины Леньяни. Итальянка воцарилась на сцене Мариинского не так давно, практически выжив великую Цукки, вынужденную уехать в Одессу. Честно говоря, она имела полное право называться примой, у Леньяни было все – великолепная техника, до которой русским балеринам далеко, грация, приятные формы, симпатичное лицо и умение очаровывать. А еще уверенность.

Пьерина не стала ждать распоряжений фотографа, а принялась отдавать их сама:

– Когда повернусь на две трети и улыбнусь – снимай! Не опоздай, не то получится с закрытыми глазами. И свет поставь левее, чтобы тени не легли на лицо!

Француз нижегородского происхождения послушно выполнял приказания.

Иван Карлович смотрел не на суетящегося фотографа, а на великого князя. Владимир Александрович не сводил глаз с Пьерины.

Прекрасно зная, что та ищет влиятельного покровителя, директор доверительно сообщил:

– Пьерина Леньяни, Ваше Высочество. Огонь! Пламень в танце и… – Споткнувшись о недоуменный взгляд князя, сообразил, что говорит двусмысленную фразу и растерянно добавил: – … и на сцене…

Владимир Александрович усмехнулся этой нелепости, бросил только:

– Познакомьте.

– Сию минуту! – заверил Иван Карлович, делая отчаянные знаки ассистенту, чтобы привел Леньяни.

Но Пьерина знала себе цену, она отмахнулась от ассистента и продолжила фотографироваться, делая самые выигрышные па. Леньяни умудрялась надолго застывать в экарте и почти в воздухе.

В другое время Иван Карлович кричал бы остальным:

– Учитесь!

А сейчас не мог дождаться, когда закончится съемка и можно будет представить красавицу князю.

– Ваше Высочество, позвольте представить – прима нашего театра, мадемуазель Леньяни. Мадемуазель Леньяни, Его Императорское Высочество великий князь…

Владимир Александрович продолжил сам:

– Владимир Александрович. Мадемуазель, я очарован. Вблизи вы еще прекрасней, чем на сцене. Прошу, – широкий приглашающий жест князя указал

на столик, где стояли бокалы и шампанское.

Пьерина не заставила уговаривать себя. Конечно, князь в возрасте, но о лучшем покровителе и мечтать невозможно, всем известно, что именно брат императора – хозяин в балете Императорских театров. Сам Александр III театром не очень увлекался, на балерин не смотрел. Иметь поклонником великого князя Владимира Александровича значило иметь все лучшие роли. Конечно, Леньяни и без покровителя была таких ролей достойна, но заступничество великих еще никому не мешало.

Иван Карлович мог быть спокоен – великий князь нашел свою прелестницу, а съемка строптивой Кшесинской-2 прошла без его внимания.

– Прелестно!

Фотографировавшаяся Таисия Касаткина, решив, что замечание касается ее лично, одарила директора лучезарной улыбкой.

– Это не вам, кривоногая вы наша, – махнул рукой Иван Карлович, удаляясь.

Следом за ним, цепляясь за все подряд, спешил ассистент Виктор, славившийся пристрастием к роликам, из-за которых то и дело попадал в неловкие ситуации сам и ставил в таковые других. Завидев Виктора на роликах, все либо поспешно отходили в сторону, либо старались за что-то ухватиться, чтобы не потерять равновесие вместе с ним.

Обретя влиятельного поклонника, Леньяни успокоилась, реже стал обращать внимание на других балерин и сам князь. Это дало возможность Ивану Карловичу передохнуть, хотя отдыхать долго не пришлось – готовился спектакль выпускного класса Театрального училища, на котором обещал быть сам император с семьей!

Спектакль предполагался из двух частей – драматической и балетной. Первая Ивана Карловича не интересовала вообще, а вот вторая… Казалось, что до выпускного спектакля он просто не доживет!

До самого спектакля дожил, правда, изведя всех вокруг. Теперь оставалось выступить.

Март выдался ветреным, но солнечным, что в Петербурге бывает не всегда.

Но выпускникам Театрального училища было не до погоды. Балерины и танцовщики и вовсе едва держались на ногах из-за бесконечных репетиций.

– Если каждый раз так волноваться из-за присутствия на спектакле Его Императорского Величества, то и на сцену не захочется, – жаловалась Матильда сестре. – Понимаю Цукки, уехавшую в Одессу.

Юлия успокаивала:

– Обычно все проще. Это Иван Карлович паникует почем зря.

Директор действительно паниковал, ведь спектакль не в Мариинке, где на огромной сцене можно затеряться, а в небольшом театре училища – любой огрех будет в сотню раз заметней. Особенно огрехи выпускниц в сравнении с великолепной Леньяни, приглашенной по распоряжению великого князя.

– Красавицы мои, не подведите! – Кажется, этот призыв-вопль Иван Карлович произносил уже сотый раз за последние пару часов.

Он волновался за выступление выпускников училища едва ли не больше, чем сами выпускники.

Матильда чувствовала, как внутри закипает раздражение бестолковой суетой, а потому постаралась отвлечься повтором некоторых па. Как одной из лучших, ей позволили самой выбрать номер для выступления, это было па-де-де из «Тщетной предосторожности». Ее партнер, тоже выпускник из параллельного класса, Сергей Рахманов, буквально трясся:

– Маля, у меня какое-то предчувствие.

Она спокойно кивнула:

– У меня тоже. Знаешь, какое? Что ты будешь дрожать и уронишь меня прямо в оркестр. Прекрати, просто танцуй, и все!

Она замахнулась на трудное па-де-де, его блестяще исполняли великолепная Цукки и Павел Гердт. Хуже итальянки станцевать нельзя, но Кшесинскую трудность не испугала, а вот ее партнер боялся «недотянуть» до партнера Цукки и опозориться.

Показать себя с лучшей стороны на выпускном спектакле, который будут смотреть члены императорской семьи, значило обеспечить себе место в балете Императорских театров, больше того – в Мариинском. И больше – не среди кордебалета, куда обычно определяли начинающих, а даже в корифейки! На статус балерины, танцующей главные партии, никто не замахивался. Не метили и в солистки, которые выходили на сцену в отдельных номерах. Только не Матильда Кшесинская!

Конечно, у Мариуса Ивановича Петипа можно всю жизнь протанцевать в кордебалете, не поднявшись выше, но большинство было готово танцевать и так.

Во-первых, никто лучше Петипа не ставит балеты, это всем известно.

Во-вторых, в Мариинке даже кордебалет разбирали покровители, а покровитель – это и подарки, и жилье, и семья с богатым поклонником, если тому надоела официальная жена. Да, при прежнем императоре Александре II даже великие князья устраивали вторые семьи с балеринами… В балете тоже немало меркантильных особ.

Матильда о покровителях не думала, но знала одно: станцевать должна блестяще, чтобы Мариус Иванович понял, что ее нужно взять сразу на главные роли…

Роль лукавой озорной Лизы нравилась и давалась легко, вернее, этому «легко» предшествовали годы репетиций, недаром Феликс Иванович так строго следил за ежедневным уроком дочерей и сына. Юная Матильда была «что надо» – с очаровательными формами, невысокая, изящная, пикантная. Что ноги коротковаты, так тогда никто не требовал длинных, лучше уметь порхать на

коротких, чем ковылять на тощих оглоблях. Век пухленьких невысоких балерин еще не сменился веком полупрозрачных худеньких девочек, Анна Павлова пока лишь училась, а на сцене царили итальянки вроде Пьерины Леньяни – с аппетитными формами, лукавые и чувственные.

Надежды даже просто подвинуть итальянок, приглашенных самим Петипа, для которых он ставил балеты и создавал выигрышные вариации, было мало.

Странная ситуация – в Императорских театрах России в ее столице француз Мариус Петипа ставил балеты для итальянок, оставляя российских балерин в кордебалете.

Матильда твердо решила такое положение дел изменить, добиться для себя главных ролей. Она ни от кого своего намерения не скрывала, в том числе и от Мариуса Ивановича, и от самой Леньяни, которую собиралась победить. Пьерина была женщиной не только веселой, но и добродушной (пока не задевали ее интересы), она лишь посмеивалась, не считая Кшесинскую соперницей. За Леньяни теперь стоял великий князь Владимир Александрович, покровитель балета и балерин. Его волю Иван Карлович выполнял беспрекословно. А Мариус Петипа и без всяких покровителей принимал во внимание технику итальянки с восхищением.

«Наследница Цукки»… Леньяни посмеивалась. Цукки соперничества с прекрасной Пьериной не выдержала и уехала в Одессу, оставив Мариинский в полной власти Леньяни.

Кшесинская? Тем более вторая? Молода еще, пусть потанцует пока вон… Лизу.

Матильда уже размялась и была готова выйти на сцену, когда оттуда за кулисы впорхнула, приняв очередную порцию бурных аплодисментов, сама Пьерина Леньяни.

Легко обняв Кшесинскую, она зашептала:

– Малечка, постарайся. Наследник сидит в первых рядах…

– Зачем вы мне это говорите?

– Советую обратить внимание. Он не имеет пассии.

Матильда только дернула плечиком, на котором лиф держался на тоненькой бретельке. Леньяни поправила что-то на ее плече:

– С Богом, дорогая!

Феликс Иванович всегда твердил дочерям, что балерина, которая топает на сцене, словно рота солдат на параде, не может называться балериной. Танцевать нужно легко и воздушно, чтобы у зрителей создавалось впечатление, что пуанты практически не касаются пола, а сами движения балерине ничего не стоят. Смотреть на тяжелый труд никто не захочет.

Матильда порхала, будто невесомая, воздушная, нежная. Зал аплодировал даже по ходу танца.

И вдруг… Прыжок тоже был легким, но тонкая бретелька… лопнула? Нет, она просто отцепилась, хотя была закреплена хорошо, костюмерша свое дело знала.

Зал дружно ахнул.

На мгновение, всего на мгновение воцарилась тишина, замерли руки дирижера, замерли все на сцене и в зале – одни потому, что увидели пикантное положение юной балерины, вторые потому, что увидели реакцию первых.

В таких случаях обычно говорят, что мгновение продлилось вечность.

Но никакой вечностью оно для Матильды не было. Еще не успев осознать, что одна ее грудь обнажена, Маля вспомнила слова отца. Однажды он кричал запнувшейся из-за развязанной ленты Юлии:

– Не смей останавливаться, продолжай! Не останавливайся!

Та возражала:

– Но мне неудобно, папа?…

– Неудобно?! Ты отдыхать на сцену пришла или работать? Твоего неудобства на сцене не существует. Ничего не существует. Даже если после прыжка попадешь ногой на гвоздь и он вопьется в твою ногу, – продолжай! – Увидев расширенные от ужаса глаза дочери, фыркнул: – Да-да, забивай этот гвоздь каждым следующим прыжком. Вытащишь за кулисами.

Гвоздь… А тут развязавшаяся бретелька. Неудобство, мелочь…

Матильда вскинула глаза на замершего дирижера и… продолжила движение. Энрике Дриго поспешно повернулся к оркестру, чуть ускорив темп, чтобы догнать балерину.

Зал ахнул снова.

Ники держал бинокль перед глазами, но особенно никого не разглядывал. И в этот момент он смотрел не на ноги балерины или ее грудь, а на лицо. Вспомнилась фамилия, произнесенная отцом еще в вагоне перед самой аварией: Кшесинская. Только потому и смотрел.

Он не сразу понял, что произошло, но успел увидеть главное – глаза Кшесинской.

Ники не заметил ни обнаженную грудь, ни реакцию окружавших Кшесинскую балерин на сцене, он увидел мелькнувший в глазах ужас и сменившую его упрямую решимость. Для другой случившееся стало бы концом карьеры, возможно, станет и для Кшесинской, но пока балерина не сдавалась. Она не убежала за кулисы – осталась на сцене и танцевала!

У Ники почему-то мелькнула мысль: такая и в бою не подведет. Нелепо про бой, но, по сути верно. Кшесинская не сдалась перед огромным залом.

И этот зал ответил такой овацией, какой не удостоилась даже Леньяни.

В директорской ложе тоже аплодировали.

Когда оборвалась бретелька, император разглядывал балерину, мысленно сравнивая с фотографией. Да… фотограф явно сумел польстить малышке. Хороша, но первой красавицей не назовешь.

И вдруг эта злосчастная бретелька! Император тоже увидел, как Кшесинская справилась с собой и продолжила танец. Обернулся к Марии Федоровне:

– Какова малышка, а? – И великому князю Владимиру Александровичу: – Это та, которую ты мне торговал? Не так и хороша, но что за характер!

Князь Всеволожский тут же добавил:

– И грация, Ваше Величество. Грация…

– Грация – это не по моей части, это императрицу спросите.

Чуть лениво отозвался великий князь:

– Это не та. Я тебе Юлию показывал, а это младшая. У нее зубы кривые.

Александр Александрович обернулся к Всеволожскому, тот подтвердил:

– Старшая Кшесинская тоже танцует. Красива, но не ловка. А это младшая, Кшесинская-2.

– Один черт, – отмахнулся император. – Покажешь после спектакля. Она не лошадь, чтобы зубы разглядывать, я на ноги смотрю. Достойная малышка. Упрямая, как сто чертей.

– Саша… – привычно протянула Мария Федоровна, страшно не любившая крепких выражений из уст супруга. Но тот к замечаниям давно привык и не обращал внимания.

Мария Федоровна перевела взгляд на цесаревича. Увиденное неприятно поразило. Кажется, Ники аплодировал яростней всех и не отрывал взгляда от маленькой Кшесинской.

Материнское сердце тревожно заныло, словно предчувствуя неприятность.

Императрица сделала знак начальнику охраны Власову, неизменно присутствовавшему где-то рядом, тот бесшумно возник из темноты.

– Разузнайте о ней все.

– Сделаю, Ваше Величество.

А за кулисами едва не заработавший сердечный приступ Иван Карлович почему-то тряс своего ассистента Виктора, словно грушу:

– Какова, а?! Какова!

Виктор мотался на своих роликах туда-сюда и кивал:

– Да, Иван Карлович, да.

В стороне стояла, кусая губы, Пьерина Леньяни. Она вовсе не желала зла маленькой Кшесинской и была абсолютно уверена, что та не сможет составить конкуренцию, но иметь напористую и упрямую соперницу вовсе ни к чему. Петипа из русских танцовщиц любит Ольгу Преображенскую? Прекрасно, Олечка лишь оттеняет Пьерину, потому не страшна. А вот эта самонадеянная девчонка замахнулась на большее.

Да, неудачно вышло с бретелькой, кажется, сработало наоборот, Кшесинскую запомнили…

После выступления давали обед. Выпускницы, обсуждая произошедшее с Кшесинской (все еще долго не могли успокоиться), собирались, чтобы

приветствовать императора с семьей.

Сначала полагалось подходить на поклон пансионеркам, то есть тем, кто жил в училище на пансионе. Матильда стояла в стороне, поскольку приходила на занятия из дома, к тому же чертова бретелька… Публика аплодировала ее мужеству, но кто знает, что скажут завтра, Матильда даже мрачно пошутила в ответ на заверения сестры, что все прекрасно:

– Угу, теперь придется сбрасывать верх в каждом спектакле, иначе не воспримут.

Это была серьезная угроза, нередко публика именно так и запоминала артиста или актрису – по случившейся неприятности.

– Атенсьон! – завопил Иван Карлович, от волнения переходя на дискант и прононс фотографа. – Их Императорские Величества и Высочества. Красавицы мои, не подведите!

Звучало это так, словно наступил его последний миг, и спасти могли только балерины…

В зал вошли Александр III, Мария Федоровна, князья и сопровождающие, впрочем, числом не очень большим. Великий князь Владимир Александрович сразу бросил взгляд на Леньяни, стоявшую в числе первых, хотя она и не была ни пансионеркой, ни вообще выпускницей. А вот император…

– Где Кшесинская?

Матильда обмерла, но вынуждена была выступить вперед и приветствовать императорскую чету.

– Хорошо танцевали. Прекрасно! Будьте украшением нашего балета.

Император терпеть не мог комплименты, совершенно не умел их делать, а потому такая похвала означала высшую степень довольства. Императрица снисходительно улыбалась…

Пьерина Леньяни, впервые за последний год оказавшись не в центре внимания, хмуро стояла в стороне.

Императору представили еще нескольких выпускниц, но, перед тем как садиться за праздничный стол, он вдруг поинтересовался у Кшесинской:

– А где ваше место?

– У меня его нет, Ваше Императорское Величество.

– Почему?! – У Александра III не только рост внушителен, голос ему под стать.

– Я не пансионерка, не обедаю в столовой.

– Тогда садитесь рядом со мной. Вот здесь, – он показал на место подле наследника, который в смущении едва не уступил свой стул кому-то. – Но не очень кокетничайте, молодые люди.

Едва ли можно покраснеть больше, чем покраснели Николай и Матильда. К счастью, Александр III отвлек внимание окружающих, принявшись расспрашивать о чем-то своем.

Все было словно в тумане, Матильда с наследником о чем-то говорили, но она не понимала, о чем, знала только одно: влюблена! А он? Боже мой, разве она вообще могла на это надеяться?!

Дома уже знали о бретельке и о том, что Малю сам император попросил стать надеждой и славой балета.

Феликс Иванович строго нахмурил брови:

– Только не вздумай зазнаваться! Ты должна работать в десять раз больше, чтобы доказать…

– Я все понимаю, папа?, – чмокнула его в нос Матильда.

Отец в ответ расплылся в улыбке и заключил дочь в объятия:

– Я знал, что ты станешь настоящей балериной!

Сестре Маля раскрыла свой секрет:

– Юля, я весь обед сидела рядом с наследником.

– И как он?

– Не знаю… Мы все время болтали, но я не помню, о чем.

Через пару дней они, гуляя по Большой Морской, увидели наследника.

– Маля, смотри, – показала сестре Юлия.

– Вижу.

– Он смотрит на тебя! Ей-богу, смотрит. Повернись и улыбнись!

Случайные встречи, мечты, неясное предчувствие…

Что могло быть общего у выпускницы Театрального училища, пусть и зачисленной в корифейки балетной труппы Императорских театров, и наследника престола?

Приходилось констатировать, что ни-че-го.

Матильда упрямо возражала сестре:

– Но мечтать-то мне никто не может запретить!

– О чем, Маля?

– Просто так. Без мечты скучно…

Она уже танцевала в Мариинском театре, получая роли в бенефисных спектаклях других исполнителей. У начинающей балерины завелись даже поклонники, особенно усердствовал рослый поручик какого-то из гвардейских полков. Матильда не разбиралась в их форме, да и не желала разбираться. Поручик не пропускал ни одного спектакля с ее участием и бросал на сцену букеты угрожающих размеров. А еще кричал, подражая супругу блестящей Екатерины Вазем:

– Браво, Катька!

Почему Катька? Вероятно, поручик просто не знал имени своей прелестницы, а Матильде это давало повод отнекиваться, мол, не меня приветствует.

Из-за этого сумасшедшего недолго заработать прозвище «Катька»!

В тот вечер, вернувшись со сцены за кулисы, Леньяни посмеялась:

– Малечка, готовь ведро, там опять твой поручик вот с таким букетом.

Она показала объем руками. Кшесинская только зубами заскрипела, уже весь театр знал его фамилию. Над Кшесинской посмеивались, словно она виновата, что приглянулась этому Воронцову, который почему-то считает балерину обязанной отвечать на его ухаживания. Матильда танцевала, стараясь не смотреть в зал, но невольно слышала восторженные вопли поручика.

Когда пришло время поклонов, она вовремя заметила летевший на сцену веник, из-за бездумной смеси цветов и гигантских размеров действительно мало похожий на букет. Ловко увернулась, приняла цветы у какого-то подбежавшего к рампе юнца, послала воздушный поцелуй строгому чиновнику, разглядывавшему ее в лорнет, широко улыбнулась всем, словно не слыша вопля Воронцова:

– Кшесинская, я вас люблю! Вы моя!

Это ему принадлежал цветочный веник.

Наглец полез через оркестр на сцену, его с трудом вернули на место товарищи…

Матильда терпеть не могла вот таких проявлений чувств. Нравится ее танец – прекрасно, поднеси красивый букет, приди за кулисы, если выглядишь прилично – пустят. Но на весь зал обещать, что она будет принадлежать только ему…

Кшесинскую так разозлило поведение наглеца, что она от души пнула ни в чем не повинный букет. Гусар захохотал:

– Обожаемая!..

Это обратная сторона популярности, жаждешь успеха и аплодисментов – будь готова выслушивать вот такие комплименты и уметь отбиваться от назойливых ухажеров. Ей сразу объяснили, что отвадить всех просто не сумеют, нужно научиться защищаться самой.

Они с Юлией переодевались, чтобы юркнуть через второй служебный выход и раствориться в темноте ночи неузнанными. За дверью в длинном коридоре послышались крики и робкий протест старика-служащего. Юлия подошла к двери.

– Малечка, по-моему, там рвется этот огромный поручик. Петрович его не сдержит.

– Юля, выручай, – взмолилась Матильда и юркнула за ширму.

Юлия огляделась, присела к гримировальному столу, быстро сунула что-то в рот и отвернулась к зеркалу, словно снимая грим. На самом деле она его наносила – поспешно уродовала правую, не заметную от входа половину лица.

А в дверь уже вломился, даже не постучав, тот самый верзила.

– Божественная! Я у ваших ног! Приказывайте.

Он действительно бухнулся на колени перед сидевшей почти спиной к входу Юлией.

Та обернулась и спокойно поинтересовалась:

– Кто фы?

Глаза бедолаги вылезли из орбит, он увидел правую часть загримированного лица Кшесинской-1.

– Воронцов… А вы?

– Кфесинская.

Юлия поднялась и стояла практически в четвертой позиции, изящно выставив ножку и опираясь правой рукой на спинку стула. Воронцов смешался, но сумел взять себя в руки. Пробормотав сначала: «Но как же…», он отступил назад.

Матильде пришлось зажать рукой рот, чтобы не расхохотаться. На лице гиганта была такая растерянность, что вынести без смеха невозможно.

А Юлия как ни в чем не бывало поинтересовалась:

– Фто?

Маля поняла, что сделала сестра – она сунула в рот капу, которую вставляла в роли злой колдуньи в детском спектакле, это приспособление заставляло нижние зубы выступать вперед и шепелявить.

– Нет-нет, ничего! Только хотел сказать, что восхищен…

– Кута ше фы? – простерла руки к удиравшему из гримерной Воронцову.

Едва за ним закрылась дверь, обе сестры повалились от хохота. Правда, Юлия сообразила закрыть дверь на задвижку.

Когда Матильда увидела, что сестра успела сделать со своей правой половиной лица, то смеялась до колик. Будь Воронцов более привычен к закулисью, он бы сообразил, что и костюм на Юлии не тот, и грим наспех, но он растерялся и увидел то, что должен увидеть – уродину, не успевшую полностью снять грим с лица. Да еще этот прикус…

– Маля, сейчас ты потеряла самого настойчивого поклонника.

– И слава богу! – помотала головой Матильда. – Сегодня он едва не сшиб меня с ног своим букетом.

В дверь стучал Иван Карлович:

– Кшесинские, впустите.

Пришлось пустить.

Директор был изумлен:

– Чем вы так испугали… Боже, Юлия Феликсовна, что у вас с лицом?!

– Вот этим и испугали.

Так Иван Карлович не хохотал с детства, даже прослезился. Мотал головой, рассказывая:

– Этот ваш поклонник катился по лестнице кубарем, только что не крестясь по дороге. Напугали…

– Иван Карлович, как от таких избавиться?

– Никак. Матильда Феликсовна, избавиться можно, только заведя поклонника посерьезней, который будет иметь власть, чтобы объяснить всем остальным назойливым, что место занято. Но именно этого вы избегаете.

– Да, избегаю!

– А великий князь вам чем не угоден?

Матильда нахмурилась:

– Он за Леньяни ухаживает.

– А вы отбейте. Вот и будет защита.

– Я не для того в балет пришла, чтобы…

Иван Карлович фыркнул:

– На наследника метите? Так ведь он вот-вот в Японию отправится, вернется не скоро.

– Я мечу только на главные роли в спектаклях, а Мариус Иванович их давать не желает! – взъярилась Матильда, безжалостно запихивая изящный костюм в шкаф.

– Ох, горяча! – насмешливо развел руками директор. – Так опередите Леньяни во всем, тогда и роли от Петипа получите. Молода еще так себе цену определять, – добавил он уже у двери. – Леньяни больше двух десятков фуэте за раз выполняет. И за нее великий князь горой стоит…

Глядя вслед ушедшему директору, Матильда почти всхлипнула:

– Юля, неужели и правда придется покровителя искать?

– Конечно, у всех есть. Но только не Воронцова, – попыталась свести все к шутке Юлия, видя, как тошно Матильде.

– Да знаю я, что у всех есть. А разве нельзя просто танцевать лучше остальных и роли получать первые?

Юлия уже стерла уродующий грим с лица и принялась собирать вещи.

– Ты правильно сказала: танцевать лучше всех. Вот что главное. А пока Леньяни самая лучшая, это нельзя не признать.

– Как ей удаются эти фуэте? Неужели отец не знает?

– Переодевайся, не до утра же здесь сидеть? Пьерине не только фуэте удаются, она во всем хороша. И отец действительно не знает. Если кто и знает, то Чекетти.

– Надо его спросить. Я должна танцевать не хуже Леньяни!

Помогая сестре переодеться, Юлия добавила:

– Оля Преображенская у него занимается частными уроками.

– Я тоже буду! – обрадовалась Матильда.

– А как же Воронцов? Он же желал, чтобы ты принадлежала ему? – шутливо ахнула Юлия, на что Матильда совершенно серьезно объявила:

– Я буду принадлежать только балету.

– А наследнику?

– Ты же слышала – он в Японию уезжает. Будет там с японками беседовать.

Матильда мимоходом изобразила перебирающую ножками гейшу, сложила руки перед собой ладонями и сжала в точку губки.

Отделаться от Воронцова не удалось, приятели объяснили поручику, что Кшесинских две. На следующем спектакле Матильда боялась даже глянуть в зал, чтобы не встретить разъяренный взгляд обманутого поклонника, но того не было. А вот еще через день Воронцов появился снова. Теперь он во все горло орал:

– Браво, Кшесинская вторая! – И просто: – Матильда!

Потом была попытка сорвать поцелуй…

Спасло только окончание сезона, но довольно скоро Матильда встретила надоедливого поклонника снова, причем там, где не ожидала.

Глава IV

Красносельские летние сборы всегда привлекали внимание множества лиц, к военной службе не имеющих никакого отношения. Здесь не было дам высшего света, зато полно прелестниц рангом пониже…

На сей раз постарался великий князь Владимир Александрович, пожелавший сделать приятное Пьерине Леньяни, он распорядился Ивану Карловичу привезти балерин на турнир, наподобие рыцарского.

Балетная труппа давала спектакли в Летнем театре, жила там же на дачах в Красном Селе, потому больших усилий Ивану Карловичу прилагать не пришлось.

Щебетавшие балерины расположились на одной трибуне, мужчины, близкие к императорской фамилии, – на другой, а чины пониже – просто толпой внизу.

Девушки галдели так, что кто-то посочувствовал Ивану Карловичу. Тот согласно вздохнул:

– И то правда, шепотом говорят только во время спектакля, чтобы музыку не заглушать.

Мужчины разглядывали цветник в бинокли, дамы жеманничали и с любопытством исподтишка изучали кавалеров.

Совсем юный сын Владимира Александровича князь Андрей явился с букетом цветов, чем привлек к себе внимание не только балерин, которые стали шушукаться и строить ему глазки, но и кузена – цесаревича Николая.

– Андрей… Завел себе пассию? Которая из них?

Отец юного князя Владимир Александрович тоже довольно хохотнул:

– Андрей, кого-то приглядел? Делаешь успехи.

Краска залила лицо Андрея так, что казалось, поднеси спичку, полыхнет ярким пламенем. Он что-то пробормотал, но букета из рук не выпустил, правда, держал его довольно нелепо – строго перед собой обеими руками.

Великий князь не стал дольше насмехаться над сыном, спрятал улыбку в усы и поспешил к балеринам. Те защебетали все разом, хотя внимание Владимира Александровича явно предназначалось Пьерине Леньяни. Прекрасная итальянка призывно улыбнулась своему покровителю, принимая от него небольшую коробочку как знак особого расположения.

И все же князь посоветовал остальным:

– Не пропустите букет. Кому-то его принесли…

Матильда хмуро наблюдала за готовившимися к соревнованию гвардейцами. Особенно выделялся тот самый Воронцов, он был выше, явно сильней соперников и уверен в своей победе. Поручик разглядывал балерину хозяйским взглядом, словно Матильда уже ему принадлежала. Это и портило ей настроение.

К Матильде подсела Леньяни, зашептала на ухо:

– Посмотри, Малечка, а ведь этот юный красавчик выбрал тебя.

Кшесинская не сразу поняла, о ком говорит итальянка, решила, что о настырном Воронцове, фыркнула:

– Нашла юношу!

– Да, он совсем мальчишка, но хорош! Улыбнись князю Андрею.

Матильда наконец сообразила, что юноша и впрямь краснеет, то и дело косясь именно на нее.

О господи! Один сумасшедший там, на поле, другой на трибуне великих князей… И не уйдешь. Попыталась поймать взгляд сестры Юлии, которая любезничала в стороне с бароном Зедделером, но поняла, что не стоит мешать, у этой пары явно зарождался роман. Александр Зедделер Матильде нравился, он не считал балерин продажными и, кажется, искренне любовался Юлией.

Поймав на себе взгляд князя Андрея еще раз, Матильда хмуро отвернулась.

Леньяни резюмировала просто:

– Ну и дура. Мне б такого вместо его папаши.

– Он мальчишка совсем.

Пьерина широко улыбнулась князю Владимиру Александровичу и шепотом возразила Матильде:

– Не скажи… эти мальчишки бывают очень даже шустрые…

Сын Владимира Александровича Андрей и впрямь не мог отвести взгляда от Матильды. Вернее, отводил, но глаза его не слушались, снова и снова возвращаясь на трибуну, где расположились балерины. Это ей предназначался великолепный букет, но как вручить?

А внизу уже начался обещанный князем Владимиром Александровичем «подарок» балеринам. Под музыку на импровизированную сцену «выплыли» четыре массивные мужские фигуры в балетных пачках, имитируя исполнение танца маленьких лебедей.

Хохот и аплодисменты заглушили музыку, отчего «лебеди» немедленно сбили шаг, попытались исправиться, наступая друг другу на ноги, и, в конце концов, просто повалились на пол. При всеобщем веселье они поднялись и принялись неумело раскланиваться.

Глядя на волосатые ноги, неумело выделывающие па, на усы «лебедей», не рассмеяться было невозможно, Матильда забыла о князе Андрее и о сумасшедшем поручике, она веселилась и аплодировала вместе со всеми, когда вдруг снова почувствовала на себе пристальный взгляд. Резко обернулась, готовая сверкнуть глазами в ответ, и… встретилась взглядом с цесаревичем.

Николай поспешно отвернулся.

На помосте «лебедей» сменил князь Владимир Александрович. Шутливо раскланявшись перед хихикающими прелестницами, он объявил о начале испытаний. Требовалось пройти несколько этапов, самым трудным из которых был последний – огненное кольцо.

– Зато и награда достойная – победитель получит корону, которую наденет на прелестную головку избранной им дамы в обмен на горячий поцелуй. Надеюсь, дамы согласны подарить таковой победителю?

Дамы заахали и захихикали, пытаясь разглядеть офицеров, которые должны соревноваться. Но их лица уже скрыли забрала шлемов. И впрямь, похоже на средневековое ристалище…

Дав старт прохождению первого круга, князь Владимир Александрович присел и принялся в бинокль разглядывать… балерин.

Матильда осторожно покосилась на трибуну, где сидели мужчины, и снова поспешно отвернулась, поняв, что теперь стала объектом внимания организатора соревнований. Да что ж они все липнут-то!

Первый этап успешно прошел тот самый рослый нахал. Воронцов немедленно отправил воздушный поцелуй Кшесинской, от которого Матильде стало не по себе. Этот верзила, пожалуй, сможет пройти испытание, а дарить поцелуй в обмен на жестяную корону ей вовсе не хотелось. Дело не в короне, а в наглости. Поручику однажды удалось вырвать у нее поцелуй – после того как выбросила

очередной его букет, подстерег за кулисами и буквально впился в нее жадными губами. Спас Кшесинскую вездесущий Иван Карлович, не то неизвестно, чем все закончилось бы.

И вот теперь быть целованной прилюдно…

Еще один человек не смотрел выступления участников соревнований – князь Андрей. Юноша все сжимал букет, шепча:

– Как же она прекрасна!

Николай с удивлением обернулся к кузену:

– Кто?

– Кшесинская. Матильда.

Это дало Николаю повод снова повернуть бинокль в сторону трибуны балерин.

– Да… недурна…

Андрей неожиданно для цесаревича запальчиво возразил:

– Ты ничего не понимаешь! Она… она… настоящая! Если тебя полюбит такая женщина, ты сам станешь настоящим. – Удивление Николая переросло в изумление, Андрея это чуть смутило, но он строптиво добавил: – Таким, каким тебя создал Господь…

Того, что последовало, он, конечно, не ожидал. Цесаревич вытащил букет у кузена из рук.

– Но… я… – растерялся юноша.

– Я хочу узнать, какая она настоящая, – просто объяснил Николай.

Глядя в спину уходящему кузену, юноша поинтересовался сам у себя:

– А я?.. Впрочем…

Да, он слишком молод, чтобы увлекаться балеринами. Тем более цесаревич…

А на площадке разворачивалось поистине великолепное зрелище – пятеро участников вполне достойны друг друга, после второго круга у лидера уже не было возможности раскланиваться перед трибуной, фору не давал никто. Офицеры проходили полосу препятствий, взбираясь по отвесной стене, перепрыгивая через ров с водой, пробегая по бревну, но это смотрелось эффектно. Впереди по-прежнему шел тот самый рослый красавец, буквально расшвыривая соперников по сторонам.

У Матильды заныло под ложечкой. Неужели поцелуй неизбежен?

И тут рядом с ней возник Иван Карлович.

– Матильда Феликсовна, не погубите! Маля, на тебя обратили внимание…

От волнения Иван Карлович перешел на «ты» и делал странные знаки глазами. Матильда дернула плечиком:

– Кто, великий князь Владимир Александрович?

Хотелось добавить, что интерес князя Владимира к балеринам не новость, к чему так волноваться? А еще сказать, чтобы Иван Карлович не переживал, она даст князю такую отповедь, что тот вообще к Мариинке не приблизится!

Уже открыла рот, но…

Вместо буквально растворившегося как дым Ивана Карловича увидела перед собой… наследника престола!

Мужчины-Романовы похожи друг на друга все, особенно в таком возрасте, каком был тогда Николай, но спутать цесаревича с любым другим великим князем Матильда не могла. Она чуть присела, делая книксен:

– Ваше Высочество…

Николай окинул взглядом балерину с головы до ног, задержавшись на лице, и протянул ей роскошный букет, только что отнятый у князя Андрея:

– Это вам. Извините за столь скромное подношение в знак восхищения, но у меня есть нечто более достойное вашей красоты. Прошу вас…

Словно во сне Матильда приняла букет из рук Николая, поблагодарила и пошла, следуя приглашению и опираясь на его руку.

Князь Андрей с тоской наблюдал за этим действием. Ники сумел непринужденно подарить букет, который он так старательно выбирал и долго носил в руках, не решаясь даже приблизиться к даме сердца! И это скромник Ники!

Великий князь Владимир Александрович не заметил ни действий цесаревича, ни страданий собственного сына, он был поглощен трагическим финалом соревнований.

На последнем третьем круге на шедшем первым «рыцаре» от неловкого движения вспыхнула одежда, к нему бросились стоявшие у края служащие, свалили на землю, чтобы сбить пламя, но богатырь попросту расшвырял всех и прорвался к помосту с короной. Схватив вожделенный знак победы, он с яростным криком сбросил шлем и повернулся к дамской трибуне, потрясая добычей.

– Поцелуй мой!

Но…

Служащие продолжали обливать тлеющую одежду, а сам Воронцов – это был, конечно, он – стоял, растерянно глядя, как Матильда и наследник удаляются к белой палатке цесаревича.

Матильда двигалась, словно во сне, она с той самой встречи не могла забыть Николая, но надеяться на новую не смела. Ездила вместе с Юлией там, где мог проезжать цесаревич, с восторгом приняла известие об их выступлении в Красносельском театре, но то улица и сцена. Можно быть «надеждой балета», сколько угодно любоваться наследником издали, однако еще раз оказаться с ним за одним столом не стоило и мечтать. Его Высочество Николай Александрович известный скромник, еще не замечено, чтобы он за кем-то ухаживал, а такие подробности известны всем.

И вдруг вот такое откровенное приглашение к нему в палатку.

Позади победивший в соревновании сумасшедший Воронцов, рядом цесаревич, а впереди?..

Маля вовсе не была ханжой и понимала, что Николай тоже не ханжа. Однако если и мечталось о встрече наедине, то только не такой – практически у всех на виду и в армейской палатке.

Кто из девушек не грезил в юности о белом принце на белом коне или с цветами у своих ног? Принц был, цветы тоже, не было только уверенности, что все правильно.

Им вслед смотрели несколько человек: почему-то осенявший себя крестом Иван Карлович, сестра Матильды Юлия, старательно сдерживавшая улыбку, Пьерина Леньяни с закушенной от досады губой, растерянный юный князь Андрей и возмущенный победитель соревнований Воронцов.

Ни Матильда, ни Николай взглядов не заметили.

В палатке Николай жестом пригласил девушку сесть, взял с кровати красивую коробку, расстегнул и…

Не будь это наследник, Матильда взвизгнула бы от восторга – в коробке лежало необыкновенной красоты ожерелье!

– Позвольте…

Николай сам принялся расстегивать пару верхних пуговок ее платья. Они оказались близко друг от друга, слишком близко, чтобы ее дыхание не сбилось. Матильда замерла, когда Николай встал позади стула и его руки коснулись уже не ткани платья, а ее кожи, застегивая ожерелье. Он тоже на мгновение замер, останавливая сам себя.

Сделай он еще одно движение, и последствия были бы очевидны для обоих.

Но Николай сжал кулаки, словно заставляя себя не делать это движение. От волнения в голосе появилась хрипотца:

– Благодарю за понимание. Этим подарком я хочу выразить восхищение вашей красотой и вашим талантом.

Матильда нашла в себе силы поддержать светский тон:

– Ваше Императорское Высочество решили почтить меня особым вниманием?

Он словно проглотил комок в горле и произнес уже спокойней, почти насмешливо:

– Надеюсь, вы осознаете, что наши отношения не выйдут за пределы… Не будете ждать продолжений… – Усаживаясь на стул напротив, он добавил тоном, свидетельствующим, что с волнением справился: – Я обещаю позаботиться о вашей участи на сцене…

Потолок палатки рухнул, или это само небо обвалилось на голову Матильды? Почему стало вдруг темно?

Она мечтала о встрече, вовсе не представляя, какой та может быть. Мечтала о легкой беседе пусть в присутствии многих, когда каждое безобидное слово становится таким важным. Мечтала о чем угодно, но только не о таком. Ее увели у всех на виду, сделали роскошный подарок, о каком Леньяни и мечтать не смеет, и…

Лучше бы он вообще не обращал внимания! Лучше бы увел вот так Пьерину или кого угодно, хоть Юлию – Матильда порадовалась бы за сестру!

Еще не осознав, что делает, Матильда поднялась и положила Николаю руки на плечи, не позволяя встать со стула. Лицо приблизилось к лицу, темные глаза смотрели гипнотически, шепот завораживал:

– Вы никогда не сможете забыть меня! Вы будете искать встречи, мучиться и ревновать! И никого, никогда не сможете полюбить так, как меня!

Буквально сдернутое с шеи колье от резкого движения ее руки полетело на кровать, а сама балерина метнулась к выходу, стараясь не разрыдаться.

Николай вскочил, чтобы броситься следом, но в этот миг раздался женский визг, выбежавшая наружу Матильда появилась обратно и живо спряталась за спину Николая. За балериной ворвался размахивающий добытой короной-призом Воронцов, буквально таща на себе двух постовых, стоявших подле палатки.

Увидев венценосного соперника, Воронцов взревел:

– А!.. Убью! Ты украл мой поцелуй! Убью!

Он попытался ударить цесаревича призом, но сделать это не позволили. В палатке появились еще солдаты и дежурный офицер. Но и сам наследник не испугался, он заслонил едва живую Матильду, готовясь принять удар богатыря.

Через минуту все было кончено – Воронцова, несмотря на сопротивление, скрутили и утащили, при этом он продолжал ругаться и обещать расправу, Матильду увела сестра, а Николай постарался сделать вид, что ничего страшного не произошло.

Резюмировал князь Андрей:

– За такую женщину и голову сложить не жалко.

Великий князь Владимир Александрович с изумлением смотрел на сына. И когда успел вырасти-то?

Кузен Андрея князь Сергей Михайлович рассмеялся:

– Что бы ты понимал в женщинах, Андрюша!

Тот насупился.

– Поболе твоего…

Сказал и пошел прочь, стараясь не показать обиды из-за этого «Андрюша» – при всех, словно маленькому.

Сергей Михайлович смотрел вслед, но не обиженному двоюродному брату, а Матильде. А ведь он прав – девушка из тех, ради которых подвиги совершают.

– Дракона, что ли, убить? Ники, ты не знаешь, поблизости не найдется парочки драконов? Хоть захудалых.

Цесаревич изумился:

– Зачем тебе дракон?

– Чтобы впечатление произвести, – кивнул на балерину Сергей.

– Ну, я дракон. Один только что грозил убить, теперь ты?

Великий князь поддержал шутку кузена, окинул Николая взглядом с ног до головы и хмыкнул:

– Нет, тебя убивать жалко, ты хороший дракон… Кто она такая?

– Кшесинская-вторая. Матильда. Танцует в Мариинке. Видел, какие поклонники?

Что-то в голосе двоюродного брата подсказало Сергею, что к Матильде лучше не приближаться, и не из-за бешеного Воронцова.

Матильда рыдала, уткнувшись в подушку, второй час. Сестра ходила вокруг и уговаривала:

– Маля, но ведь глаза будут красные и нос распухнет. А у нас завтра спектакль…

– Я не буду танцева-а-ать…

– Как это не будешь? Отдашь свою роль Леньяни?

– Кому угодно, – отвернулась к стене Матильда.

– Да что случилось-то? Что он тебе сказал?

Не нужно объяснять, о ком спрашивала Юлия, Матильда секретов от сестры не имела.

Матильда вдруг резко села на постели, Юлия едва успела подвинуться. Глаза младшей гневно сверкали. Старшая только успела подумать: «Ой-ой…» Когда Матильда в гневе…

– Он подарил мне колье. Роскошное и красивое.

– И… где оно? Отнял этот сумасшедший?

Матильда недоуменно уставилась на сестру:

– Нет, при чем здесь тот дурак?

– Тогда в чем дело? – недоумевала Юлия.

– Он хотел купить меня, понимаешь, просто купить, как великий князь покупает Леньяни или других.

– Ты… отказалась?

Матильда снова повалилась на постель, но теперь на спину, вздохнула:

– Не решился. Просто подарил колье и обещал заботиться о моей карьере. – В голосе звучала ирония, ручка сделала в воздухе плавный изящный жест. – Такой… заботливый…

– То есть цесаревич подарил тебе колье и обещал заботиться?

– Ну, да.

– И ты?..

– Сказала, что он не сможет жить без меня.

– Как это? – все еще сомневалась сестра.

– Вот так и сказала, что будет страдать, искать встреч и клясться в любви.

– А этот Воронцов?

Матильда махнула рукой:

– Этот сумасшедший ворвался позже, вернее, я успела выбежать и на него наткнулась.

– Ты убежала от Николая Александровича?

– Ну, да. Я же не Леньяни, чтобы за побрякушки продаваться.

Несколько мгновений Юлия сидела, молча размышляя, потом попыталась вразумить сестру:

– Маля, а чего ты ждала, что наследник женится на тебе?

Та снова села.

– Нет, конечно. Но к чему покупать?

– Да кто тебе сказал, что он покупает?! Хотел человек сделать приятное. Так! – Она вдруг решительно поднялась и заставила подняться на ноги Матильду: – Немедленно в ванну, чтобы завтра танцевала лучше всех! Иди, иди…

В Красном Селе удобств не очень много, но принять ванну можно. Немного погодя Матильда лежала, мечтательно закатив глаза и вдыхая аромат плавающих по поверхности воды лепестков роз.

Конечно, все произошедшее ужасно, плохо, что произошло при таком стечении народа, но главное – произошло. А может, и к лучшему?

Когда сестра заглянула к ней, проверить, все ли в порядке, Матильда открыла один глаз и объявила:

– Все правильно. Если бы я просто приняла подарок, ничего больше не было бы. А теперь он не сможет меня забыть!

– А что с Воронцовым?

– Не знаю. Бешеный…

– За угрозу жизни цесаревича его казнить могут.

– Невелика потеря.

– Маля, неужели не жалко? – укорила Юлия. – Попроси за него.

Матильда в ответ вздохнула:

– Если будет кого. Может, наследник уже уехал в Петербург и больше не появится?

– Не уехал, тебе цветы прислали, – улыбнулась сестра, выходя из ванной комнаты.

– Кто?!

– Не написано, но думаю, не Воронцов. Того увезли в наручниках.

– М-м-м…

Букет был без записки, но Матильда и Юлия ошиблась – прислал не Николай и даже не Андрей, а… великий князь Сергей Михайлович, тот самый, что искал дракона, чтобы понравиться Прекрасной даме.

Воронцова допрашивали уже не первый час, хотя что и выяснять-то? Он жалел только о том, что не успел получить поцелуй Матильды как победитель и что не отомстил, как он считал, за ее поруганную честь.

Но объяснять все это следователю не собирался, твердил одно:

– Я все равно его убью!

Следователь даже боялся спрашивать, кого именно.

Из них двоих – служителя закона и обвиняемого – устал первый, Воронцову было все равно, но в нем жила поразительная уверенность, что все еще получится.

Когда появился полковник Власов, следователь только развел руками, мол, ничего не говорит. Но за попытку покушения на наследника Воронцову грозит казнь через повешение.

– Ну, так вешайте, – усмехнулся Власов.

Молодой следователь представить, что вот этого богатыря повесят только за то, что грозил убить цесаревича, не мог, а потому усомнился:

– Но это пустая угроза.

Власов несколько мгновений наблюдал через узкое окно за сидевшим с независимым видом Воронцовым, потом почему-то кивнул и приказал:

– Повесить в… литерной комнате!

– А?.. Да, понял, господин полковник.

Когда Воронцова волокли к двери в эту самую комнату, дюжих охранников остановил Власов. Долго смотрел в лицо приговоренного (хотя кто его приговаривал?), что-то для себя придумал, кивнул и поинтересовался:

– Почему наследника хотел убить, из ревности к этой балерине? Если так – останешься жить, я похлопочу.

Воронцов поднял голову, усмехнулся:

– Жаль, что не убил!

– В противном случае повесят, – ровным голосом произнес Власов, словно речь шла о двух сутках гауптвахты.

Не дождавшись ответа, махнул рукой:

– Увести!

Воронцов осознал, что дело серьезное и бравада ни к чему, только когда его стали поднимать по ступенькам лестницы на небольшой эшафот.

– Эй, эй! Где там ваш начальник?!

Человек, прилаживавший на его шее веревку, обнадежил:

– Не робей, братец, веревка тонка, смерть легка…

– А последнее желание приговоренного?! – попытался оттянуть время Воронцов, но пол под ним провалился, и он полетел вниз. Следом раздалось:

– Опоздал с желанием…

За повешением опять-таки из-за стекла бесстрастно наблюдал Власов.

Убедившись, что все сделано правильно, он смахнул невидимую пылинку с рукава и со вздохом посетовал:

– Тяжелая работа.

Офицер кивнул на комнату, где вешали Воронцова:

– А?..

– Пусть пока так, я позже распоряжусь.

Что-то подсказывало полковнику, что эта самая Кшесинская еще доставит массу хлопот.

– Маля, он в зале! – сообщила Юлия сестре.

Та спокойно кивнула:

– Я вижу.

Наследник действительно сидел в первом ряду. Цветов в его руках не было, как не было и бинокля – в небольшом Летнем театре, рассчитанном только на офицеров, участвующих в маневрах, прекрасно видно, особенно с первого ряда.

Матильда танцевала лично для него, хотя приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы не поворачивать в его сторону голову и даже почти не смотреть. Тренированное тело выполняло все па как надо, а мысли были заняты Николаем.

Он пришел в ее гримерную в сопровождении дюжего казака, несущего большущую корзину роз.

– Это вам. Вы, несомненно, танцуете лучше всех.

– Благодарю, Ваше Высочество, но лучше всех танцует Леньяни. Она единственная, кто делает тридцать два фуэте.

Дверь за казаком, поставившим корзину с цветами, уже закрылась, Юлия предусмотрительно выскользнула наружу и никого к гримерке не подпускала, но Матильда и Николай были смущены.

– Фуэте? То и дело об этом слышу. Дядя в восторге. Это вот так? – Он довольно неуклюже попытался изобразить вращение на одной ноге, при этом помогая себе второй.

– Нет-нет! Вторую ногу выше! Еще выше! Вот так, – Матильда попросту схватила ногу Николая, не очень-то понимая, что делает, и попыталась повернуть его. В результате пришлось подавать руку упавшему наследнику.

Николай мог подняться и сам, но от помощи не отказался.

Они оказались слишком близко…

– Ваше Высочество, – Матильда не знала, что сказать дальше, но этого не требовалось.

– Зовите меня просто Ники.

– А… Вы не боитесь, что сейчас кто-нибудь снова ворвется и попытается ударить фальшивой короной?

Матильда поспешила отойти к своему столику, страшась того, что может произойти дальше.

Она вспомнила слова Юлии о казни поручика. Воронцов, конечно, ужасен, но не казнить же его за глупую самоуверенность.

– Что с ним?

– Я его помиловал. Вас интересует судьба этого поручика?

Неужели в голосе наследника прозвучала нотка ревности? Матильда с трудом скрыла восторг от такого открытия. Дернула плечиком:

– Ничуть. Просто жалко… глупца. У меня много поклонников, но этот самый сумасшедший. Довольно о нем!

– Да, пожалуй, – согласился Николай, которому вовсе не доставляла удовольствия беседа о сопернике.

– Я слышала, что вы уезжаете в долгое путешествие?

Николай оживился, стал говорить о том, что это привычно для наследников престола, всех отправляли в поездки, но предстоящая особенная – она будет далекой и длительной…

Обычно наследников отправляли в путешествие по стране и по Европе. Но в стране не далее Кавказа и Уральских гор (да и туда только по краю), а в Европе они навещали в детства привычные места – многочисленных родственников королевских фамилий.

На сей раз путешествие предстояло иное Александр III рассудил, что в Лондоне у тети (сестры Марии Федоровны, жены наследника английского престола), в Копенгагене у бабушки, в немецких, французских, итальянских, швейцарских и других европейских городах у кузенов, дядьев, тетей, двоюродных бабушек и дедушек Ники бывает на свадьбах, похоронах, днях рождения и крестинах, а то и просто на каникулах и без того часто.

Николай должен посетить Азию! Причем почти обогнув ее.

Планировали и подготовили путешествие через европейские страны до Средиземного моря, потом Египет, Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан с визитом в Индию, на Яву, в Сиам… потом Китай… и Япония! А там во Владивосток, по рекам и на лошадях через всю Сибирь и Урал и поездом до Санкт-Петербурга.

От одного перечисления стран, где он должен побывать, захватывало дух!

Но девушка понимала ужасную вещь – это будет длиться долго, безумно долго. Ники подтвердил:

– Год.

Матильда кивала, что-то спрашивала, стараясь не выдать своего разочарования. Ники говорил о предстоящей разлуке спокойно, значит, его совсем это не волновало?

– И… когда вы отправляетесь?

– В конце лета. Весь сезон я буду вашим горячим поклонником.

Она сдержалась, чтобы не добавить:

«И не дольше?»

Нет, навязываться нельзя, если он пожелает, то будет навещать сам. К тому же впереди еще пара месяцев, счастливых летних месяцев, когда можно надеяться, что в зале сидит наследник, а для нее теперь просто Ники.

Воронцов очнулся в полной темноте. Попытался понять, что происходит. Он жив? Малейшее движение причиняло сильную боль ноге, значит, жив. Похоронили заживо? Но воздуха, хотя тот и был спертым, хватало.

Воронцов замер, чтобы сосредоточиться. Последнее, что он помнил – уходящий из-под ног пол, резкий рывок, боль в шее и полет куда-то вниз в темноту. Дальше была эта самая темнота и бессознательное состояние.

Руки по-прежнему связаны за спиной, лежит на каменном полу… Нога болит – то ли подвернута, то ли вовсе сломана. Он прислушался. В тишине раздалось какое-то шуршание, писк и топот лапок. Крысы… Надо освобождать руки, иначе могут покусать. В темноте ничего не видно, но Воронцов уже понял, что находится в каком-то каменном мешке без окон.

– Дверь-то здесь есть? – проворчал он.

А если есть дверь, в нее можно выйти. Но сначала надо освободить руки и понять, что с ногой.

Где-то загромыхал металл, раздались протяжные крики и стоны. Все-таки он в тюрьме…

– Не повесили… Почему?

Да, его действительно не повесили, но вот почему сохранили жизнь? В России принято миловать смертника, если веревка обрывается. Может, и у него так? Но ведь миловать, а не бросать в каменный мешок.

Крысы, почувствовав его движение, сначала разбежались по углам, но постепенно стали выползать снова.

Руки удалось освободить нескоро, они затекли и не желали слушаться. Воронцов долго шевелил пальцами, потом попробовал двигать кистями, с удивлением убедившись, что и связан-то не очень крепко. И мешок на голову ему не набрасывали. На это как-то не обратил внимания, когда петлю на шею надевали.

Пытаясь вспомнить, что еще не так, он тем временем обследовал ногу. Вывих, не сломана, но пока не наступить. Требовалось из чего-то сделать лубок, чтобы закрепить вывихнутую ступню.

Он вправил ногу и ползком начал обследовать свое каменное место заключения. Его узилище оказалось совсем небольшим, только-только выпрямиться лежа. В углу обнаружилось отверстие в полу – для исправления нужды, внизу под ним шумела вода, но было также темно и расширить отверстие невозможно, да и чем, не зубами же грызть сортирную дыру?

Потом долго сидел, вспоминая события последнего дня. Постепенно осознал, что жизнь сохранили не почему-то, а зачем-то. Зачем он этому въедливому полковнику?

Воронцов ошибся – двери в каменный мешок не было, зато было отверстие в потолке, в которое время от времени бросали кусок хлеба и опускали флягу с водой. Он пытался разглядеть, что там, наверху, пытался схватиться за веревку, чтобы выбраться. Но сначала почти не мог двигаться – болела вывихнутая ступня, а при попытке потянуть веревку ту просто отпускали. В конце концов, у него собралась целая коллекция этих веревок.

Потом наверху надоело, и довольно долго просто бросали хлеб без воды. Осознав угрозу мучительной смерти без воды, Воронцов крикнул:

– Больше не буду дергать! Воды дайте!

Сколько прошло времени, сколько и почему он сидел – не ведал, но желание вырваться и разобраться с двумя людьми – цесаревичем и Кшесинской – не ослабевало. Мечтал, как вырвется из этого каменного мешка, придет к Матильде на спектакль неузнанным и метнет вместо букета нож, а потом повернется к царской ложе и сделает то же в сторону обидчика.

Постепенно понял, что отомстить вот так – убив обоих – глупо, нужно придумать что-то более страшное, вроде вот этого каменного мешка, могилы для живых. Стал мечтать, как бросит их обоих вот сюда, как они будут умолять выпустить, как он потом «смилуется» и поднимет Матильду, оставив цесаревича умирать.

В большой особняк генерала Богдановича, что на Исаакиевской на углу с Почтамтской, съезжались гости. Хлебосольный хозяин держал салон политического толка, ему активно помогала супруга – генеральша Александра Викторовна Богданович, страшная сплетница, язвительного языка которой побаивались многие.

Сам Евгений Васильевич был многолетним старостой Исаакиевского собора, его благообразную фигуру узнавали издали, но не по генеральскому мундиру, а по огромным усищам, сливавшимся с бородой – настоящий церковный староста.

Одно время чем-то провинившийся перед государем генерал был Александром III отставлен от службы, но сумел убедить императора в своей верности и преданности и вернулся во власть.

Салон Богдановича знаменит тем, что там принимали в полдень, их завтраки были весьма известны в Петербурге – это целые обеды с многочисленными изысканными закусками, жарким, разнообразной рыбой, изумительными десертами и непременным кофе в гостиной. Не завтрак, а обед. И особняк расположен идеально – в самом центре.

Особняк Богдановичам не принадлежал, они арендовали бывший когда-то доходным дом, но арендовали давно и основательно перестроили, расширив стеклянную галерею и устроив домашнюю церковь.

Евгений Васильевич и Александра Викторовна знали все и обо всем, к ним охотно съезжались, чтобы посплетничать. Удивительная смесь патриотических заявлений и постоянного осуждения императорской семьи позволяла генералу и его супруге выглядеть свободолюбивыми монархистами. Странное сочетание, но генерал действительно писал пустые, прославляющие монархию книжонки (издавая их за государственный счет и получая неплохие дивиденды), а в салоне активно сплетничал о монархе.

К Богдановичам ездили, чтобы услышать новые слухи и распространить их дальше, если те были выгодны. Александра Викторовна ежевечерне заносила эти сплетни в свой дневник.

Разве могла она пропустить известие об увлечении наследника престола балериной?

– Ах, нельзя же так скандализировать общество! Куда катится монархия?

За порцией отменной жареной рыбы с ней соглашались:

– Император Александр Александрович такого себе не позволил бы…

Когда гостям предложили восточные тянучки, привезенные хозяину из Бухары, кто-то вспомнил об отце императора Александра III Александре II и его второй семье. Это вызвало буквально негодование генеральши:

– Да, императоры и наследники увлекались молодыми особами, но это были фрейлины! Фрейлины, а не балерины.

– Ах, не скажите… А великий князь Николай Николаевич с его Числовой?

Весьма существенное замечание. «Дядя Низи», как в императорской семье звали предпоследнего сына Николая I, и впрямь шокировал общество своими семейными делами. Конечно, все признавали, что его супруга, великая княгиня Александра Петровна, особа крайне неприятная, к мужу холодна и семьей не дорожила, но и замена, которую он себе нашел в виде ничем не примечательной балерины Императорских театров Екатерины Числовой, никуда не годилась.

– И ведь что примечательно, – широко раскрывала глаза генеральша, – познакомился со своей Числовой Николай Николаевич в Красном Селе! Этот Летний театр поистине рассадник греха.

Такое мнение серьезные гости Богдановичей поддержали. Тем более и нынешний наследник Николай Александрович «подцепил» свою Кшесинскую там же. Кто-то вспомнил о происшествии во время выпускного спектакля, но тут же было решено, что все это Кшесинской и задумано, чтобы привлечь к себе внимание.

К кофе собравшиеся уже пришли к выводу, что и увлекаться-то нечем, Кшесинская-2 не так уж хороша, не лучше Числовой, что у нее кривые выступающие зубы, короткие ноги и никаких перспектив на сцене, если, конечно, не поможет протекция наследника.

– Я видел ее в Летнем театре в Красном Селе… – начал кто-то из гостей, но осекся и постарался перевести разговор на другую тему. Объяснять заинтересовавшейся таким заявлением супруге, что он сам делал в Красном Селе во время маневров, не хотелось, но, видимо, пришлось.

Наследник шокирует всех, императрице Марии Федоровне стоит посочувствовать – таков был всеобщий вердикт.

После этого обсудили предстоящее большое путешествие цесаревичей, дружно решили, что и время, и маршрут выбраны неудачно, а плыть в Японию и вовсе ни к чему, но, возможно, столь долгое отсутствие нужно, чтобы наследник забыл эту танцорку.

Обсудили слух о болезни второго сына императора Георгия:

– Я слышала, что у Джорджи чахотка! Это ужасно…

Пожалели чахоточного Георгия, поговорили о том, стоит ли ему отправляться в столь далекое путешествие. Осудили решение императора отправить и второго сына вместе со старшим, а также согласие императрицы на это…

В общем, осуждать нашлось что.

Прощаясь, хозяин предлагал непременно зайти завтра:

– Мне прислали горную козу! Завтра будет подана к столу.

Гости ахали и обещали «заглянуть на козу».

Генералу действительно частенько привозили откуда-то необычные продукты, каких не купишь в лучших магазинах, дичь, убитую в труднодоступных местах, деликатесы из загадочных стран… Это стоило бешеных денег, но за возможность получать сплетни из первых уст стоило платить.

В салоне на Исаакиевской далеко не всегда были правдивые слухи, чаще наоборот, но на сей раз сплетники не ошиблись – цесаревичи Николай и Георгий отправлялись в далекое путешествие до самой Японии морем, и второй сын императора Георгий действительно был болен туберкулезом.

Маршрут путешествия наследника и его брата обсуждался долго, императрица очень боялась морских путешествий, море непредсказуемо, но и ехать через всю Россию, где на каждом перегоне можно ждать аварии, подобной боркинской, или подложенной бомбы (не станешь же вдоль всего пути через необъятные сибирские просторы ставить солдат), не менее опасно.

В конце концов, император решил, что сыновья поплывут, и утвердил маршрут через Вену, Триест, оттуда в Грецию, Египет, по Суэцкому каналу в Красное море, Индийский океан с заходом в Бомбей и далее на восток в Китай и до Японии. Обратный маршрут пока держался в тайне, как и дата возвращения, но было понятно, что наследник будет отсутствовать год.

Матильда была расстроена донельзя:

– Юля, за год он меня просто забудет!

– Напомнишь, – успокаивала ее верная сестра.

– За год я стану старухой, – рыдала Маля.

– Если будешь каждый день плакать, обязательно станешь. Маля, ты должна за это время расцвести и стать первой балериной Императорских театров.

Между сестрами были удивительно теплые отношения. Достаточно большая разница не позволяла соперничать, но и обращаться с младшей сестрой, как с игрушкой, тоже не получалось. И наставлять себя маленькая Маля не давала.

Сестры учились в одном училище, служили в одном театре, вместе готовили партии, которые Маля танцевала, а Юля нет. Жили в одной квартире, выделенной из части огромной родительской.

Постепенно Юлия стала дуэньей младшей сестры, она защищала, наставляла, советовала и сопровождала. Они были вместе всюду. Родителей это устраивало – более прагматичная и спокойная Юлия уравновешивала импульсивную Малю.

Матильда, как и Юлия, числилась в кордебалете Мариинского, туда по окончании училища попадали все, как и оперные певцы и певицы в хор. Но Маля и дня в длинной шеренге лебедей или снежинок не танцевала, она исполняла отдельные номера, как делали даже не корифейки, а солистки, и готовила партии, что позволялось только балеринам. Собственно, балерин в Мариинке шестеро – это те, кто танцует главные и заглавные партии, из них прима одна – итальянка Пьерина Леньяни с великолепной техникой. Ей даже отдельное название придумали – прима-ассолюта.

– Ну и что, я тоже ассолютой стану! – пожимала плечами Матильда.

Честно говоря, ни родные, ни окружающие в театре в этом не сомневались. Особенно после внимания императорской семьи.

Но произошло нечто неприятное для артистической карьеры Матильды – наследник уехал, а сам Александр III не вспоминал о «надежде русского балета».

Завистники начали злословить за ее спиной, кое-кто открыто поговаривал, что карьера Кшесинской-второй закончилась, притом что первой и не начиналась.

Юлия и впрямь танцевала в кордебалете, не претендуя на большее, ее устраивало такое положение. Но только не Матильду!

Карьера закончилась, едва начавшись? Она еще им покажет! Итальянки, конечно, хороши, их технике стоит поучиться, но Матильда покажет всем, что лучшие балерины – русские!

Но Мариус Иванович Петипа ставил балеты в расчете на исполнение Пьериной Леньяни, и она у всех на виду сначала отдельным номером, а потом на бис прокрутила тридцать два фуэте без остановки! Это ее секрет, ходили слухи, что секрет знает Чекетти, который недавно танцевал главные партии в Мариинском, а теперь решил преподавать в училище. Матильда приставала к отцу и брату с просьбой выведать тайну, но Чекетти молчал, лишь усмехаясь в ответ на попытки заставить его проболтаться.

Маля решила, что добьется всего сама, и крутила эти фуэте в любую свободную минуту. Она вообще репетировала неимоверно много, отец качал головой:

– Ты сорвешь мышцу и перестанешь танцевать совсем.

Старшая сестра понимала, в чем дело: Маля хочет до возвращения Ники стать не хуже Леньяни. Это слишком трудно, Леньяни в балете давным-давно, а Маля всего год назад училище закончила. К тому же Леньяни воспитана в итальянской школе, где техника, техника и еще раз техника.

– Вот это и трудно, Юля, добиться их техники, но не потерять своей душевности, – соглашалась Матильда. – Но я добьюсь! И стану примой-ассолютой. Вот увидишь, стану. Смотри!

Шестнадцать фуэте она уже крутила, но больше не получалось, хоть плачь!

Что прошло много дней, Воронцов понял по растущей бороде и ногтям.

Выжил только благодаря крепчайшему здоровью и собственному упорству. А еще благодаря страстной мечте вырваться и увидеть Кшесинскую.

Однажды сверху вдруг крикнули:

– Держи, только не потеряй.

В небольшом мешке спустили свечку и спички.

Воронцов впервые увидел свет. Крохотный огонек показался невыносимо ярким, и он смог рассмотреть свое пристанище. К этому времени на ощупь уже знал каждый дюйм, но все равно было любопытно.

Сверху крикнули, чтобы берег свечку, новую дадут нескоро. И все равно он предпочел сидеть со светом, пока не остался небольшой огарок. Огарок скормил крысам в благодарность за соседство. Если бы не сжег свечу, ее все равно сожрали бы эти твари.

Видно, «примерное» поведение произвело впечатление на тюремщиков, Воронцову стали давать больше хлеба и воды, и свечи тоже опускали. Он не задавал вопросов, за что сидит, понимал, за что, но понимал и то, что нужен живым.

С самого начала, обнаружив, что жив, Воронцов сделал все, чтобы не стать калекой или беспомощным. Он отжимался от стенки или своего ложа, размахивал руками, насколько позволяли размеры каменного мешка, как только зажила нога, шагал на месте и производил почти строевые повороты… Конечно, этого здоровому сильному организму мало, но лучше, чем лежать.

Впрочем, и лежал тоже. Закидывал руки за голову и размышлял, прислушиваясь к отдаленным звукам. Зрение и слух обострились, теперь он различал не только крики и стоны, но и просто голоса, замечал пробегавших крыс, отчетливо видел отхожее место в углу…

Потом начал разговаривать с Матильдой и цесаревичем – сначала мысленно, а после и вслух. Потом запел, чтобы сохранить голос. От молчания можно и потерять… Пел полковые песни, другого просто не знал.

Сверху крикнули:

– Эй, ты чего?

Воронцов объяснил, что поет полковые марши.

– Ну, пой…

Матильду судьба незадачливого ухажера не интересовала. Ники сказал, что помиловал, и ладно. Куда Воронцов девался, не спрашивала, довольствуясь опять-таки обещанием Николая, что горе-поклонник больше надоедать не будет.

У Матильды была своя жизнь, невообразимо далекая от каменного мешка с брошенным в него Воронцовым. А тот все надеялся освободиться и увидеть свою прелестницу.

Глава V

Жизнь в России, Петербурге и театре шла своим чередом.

Ненавистный осенний дождь сменился слякотной зимой, нормальная погода установилась только в январе. Весь декабрь дворники мели не мостовые или тротуары, а сплошные лужи, на чем свет ругая погоду и раздатчиков листовок. Тоже взяли моду – совать в руки прохожим листочки с объявлениями, те прочитают и бросают под ноги, а дворнику убирай…

Было серо, мокро и муторно. И на улице, и в душе.

Николай уехал, можно бы и забыть пока о наследнике, имелось немало других поклонников.

Матильда готовила новые партии для сцены, успешно танцевала, флиртовала, не подпуская, однако, никого близко. С ужасом смотрела в зал, боясь появления Воронцова, но того не было. С надеждой и тоской в щелочку между полотнищами занавеса разглядывала царскую ложу – вдруг случится чудо и Ники вернется раньше времени.

Конечно, его не было, весь сезон наследник в царской ложе не появлялся.

Юлия ворчала:

– Маля, хватит! Подумай о себе. Пьерина права. С тебя великие князья глаз не сводят, а ты мечтаешь о несбыточном.

– О каком несбыточном? Я просто мечтаю, чтобы Ники поскорей вернулся и пришел в театр.

– Меня-то не пытайся обмануть. Ты мечтаешь, чтобы он в гримерку к тебе пришел, а не в театр.

– А гримерка где? – упрямо возражала младшая сестра.

Конечно, она мечтала, чтобы Николай пришел в гримерку, чтобы, блестя глазами, говорил комплименты…

Но он был далеко. Газеты каждый день сообщали подробности о визите наследника. Пересказывали удивительные истории городов и стран, дружно врали о чудесах…

– Смотри, Ники на пирамиде. Самой большой, – показывала газету Юлия.

– На слоне! Это Цейлон… Или Индия?

– Маля, а это не все равно?

Если влюбленность в разлуке проходит, значит, это только влюбленность и ничего больше. Но если крепнет, это уже любовь.

Дни тянулись бесконечно долго, упорно не желая складываться в недели и месяцы, не помогали ни бесконечные репетиции, ни новые роли, ни попытки окружить себя поклонниками – перед глазами стоял только Ники, а в ушах звучал его голос. Матильда вдруг поняла, что помнит каждое произнесенное Николаем слово, каждый брошенный им взгляд, даже те, что, казалось, выветрились из памяти мгновенно.

Влюбилась… И в кого? В самого недоступного для нее человека.

Можно было мечтать о встречах с другими великими князьями, но только не с наследником. Дело не в том, что он будущий император, ни для кого не секрет строгое воспитание Николая, за ним амурных приключений не замечено. Значит ли это, что веселым Красносельским сезоном все и ограничится?

Разум подсказывал, что да, что надеяться не стоит, лучше действительно подумать о подходящем покровителе, как постоянно советует Леньяни.

Но когда это сердце слушало доводы рассудка? Ему и впрямь не прикажешь, болит, ноет, кровью обливается от одной мысли, что Ники просто забудет мимолетное увлечение.

Впервые в жизни Матильда почти не радовалась Рождеству.

Обычно Феликс Иванович устраивал настоящий праздник, не отказался от него и сейчас.

Сочельник – это всегда только дома и только свои. Кшесинский делал все, чтобы в этот день не участвовать в спектакле, зная это, его и не ставили.

Кшесинские католики, а потому и праздновали по своим польским обычаям. Глава семьи сам готовил тринадцать рыбных блюд, из которых ему особенно удались уха по-польски и судак. Хлебосольный хозяин, в этот день он делал все

только для своей семьи.

Оглядывая богато накрытый стол, Юлия шепнула Матильде:

– Сюда никого пригласить не стыдно. Знаешь, что я загадала?

Сестра постаралась спрятать улыбку, конечно, она прекрасно знала, но все же округлила глаза:

– Что?

– Не скажу…

Матильда только вздохнула, она уже договорилась об осуществлении Юлиного желания. Встретив барона Зедделера, пригласила их заглянуть в Сочельник или на следующий день. А вот как быть с собственным желанием? Его мог исполнить только один человек, но он был далеко-далеко, где-то посреди Индийского океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/natalya-pavlischeva/matil-da-tayna-doma-romanovyh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити